

Mrázek, Roman

Предложения подлежащие - классы предизируемых признаков

In: Mrázek, Roman. *Сравнительный синтаксис славянских литературных языков : исходные структуры простого предложения*. Vyd. 1. V Brně: Univerzita J.E. Purkyně, c1990, pp. 39-85

ISBN 8021002042

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/122544>

Access Date: 27. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

сится, собственно, также и к традиционным терминам двусоставный — односоставный.

II. ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПОДЛЕЖАЩИЕ - КЛАССЫ ПРЕДИЦИРУЕМЫХ ПРИЗНАКОВ

43 В рамках подлежащих (а также и бесподлежащих) структур дальнейшая классификация ядерных предложений проводится с примарным учетом семантической сущности предикации. О семантике предложения с разных аспектов, в том числе через призму интенционального поля глагольных предикаторов и их валентности, писали в последнее время немало.²³ Возможны опять разные ступени абстракции, на наш взгляд вполне достаточно различать пять объемных классов признаков (действие, обладание, экзистенция, качество, количество). Все они находят воплощение в структурах подлежащих, между тем как в структурах бесподлежащих могут реализоваться только два класса признаков: действие, качество. Следует иметь в виду, что все перечисленные семантические классы должны пониматься в самом широком смысле слова.

Подлежащие структуры содержат минимально два строевых стержня своей предикативной основы, следовательно, являются двухкомпонентными. (Двухкомпонентность, разумеется, не следует смешивать с „двусоставностью“, ибо последняя свойственна даже поликомпонентным построениям.) Сказуемое бывает или синтетическим (глагольным), или аналитическим (глагольно-именным), в зависимости от предметной семантики предиката.

Следует описание отдельных пяти классов подлежащих структур.

1. ПРЕДИЦИРУЕТСЯ ДЕЙСТВИЕ

44 Понятие действия необходимо брать в известном смысле условно, *sensu largissimo*. В основном, перед нами все предложения с традиционным т. наз. глагольным сказуемым. К нему следовало бы, строго говоря, причислять также и предложения с полновесным глаголом быть и иметь (с их аналогами в других языках), однако по прагматическим соображениям

²³ Ср. Шведова 1973; Daneš et alii 1973; Падучева 1974; Viehweger et alii 1977; Schooneveld 1979; Svoboda 1979; Zimek 1980 (обзорная, синтезирующая работа); Růžička 1980; Располов 1981; Kořenský 1984.

межславянской дифференциации типов высказываний эти два класса выделяются в особые разделы. Таким образом, предикат обслуживается полнознаменательным глаголом, причем либо коммуникативно автономным (ср. р. *Ребенок проснулся*), либо нуждающимся — благодаря своему интенциональному полю — в восполнении правовалентным партиципантом (или партиципантами, ср. *Он объяснил нам всю историю*).²⁴

Было предпринято немало попыток дать стратификацию глагольных значений, различая, напр., события, процессы, реляции и т. д. Все это, правда, полезно, но непосредственного значения для познания и усвоения подлежащих структур это вряд ли имеет. Впрочем, одно замечание, одну оговорку надо сделать: С помощью процессуального предикатора можно стилизовать (неизосемичным способом, через своеобразную перифразу) также и разнообразные отвлеченные реляции, даже качества, классификации, количества. Напр.: р. *Тигр относится к хищникам; Эта дача принадлежит Петру; Нашего руководителя отличает скромность*; Подобные случаи составляют незначительное меньшинство. Однако само ядро сказуемого, т. е. сказуемое в нераспространенном виде, обозначает отвлеченную процессуальность, действие, и потому мы допускаем возможность причислять подобные случаи именно к настоящей рубрике предикации. (При иной интерпретации необходимо было бы учитывать, что подобного рода перифрастические стилизации семантики качественного признака, обладания, количества все равно не могли бы входить в рамки исходных, элементарных структур.) Вопрос этот, впрочем, остается открытым, и мы признаем, что в предлагаемой книге он до конца еще не разрешен. С другой стороны, не входят сюда ни модальные и фазисные предикаторы в сочетании с инфинитивом, ни глаголы с деривированной диатезной значимостью, вроде р. *Его книга уже печатается, уже будет напечатана*. И так, в данную широкую рубрику входит основной, элементарный и наиболее многочисленный массив всех славянских предложений вообще. Их схема простая:

Ученик отвечает; Липа цветет; Он подарил мне отгиск своей статьи.

В позиции подлежащего выступает им. пад. синтаксического существительного, нередко лишь имплицитный. Позицию же сказуемого занимает спрягаемая, „личная“ форма любого знаменательного глагола, за исключе-

²⁴ О глагольном предикате, как средоточии всей организации предложения, о его сочетаемостных координатах и в связи с этим обо всем строении сообщения, имеется обширная литература. Ср., напр.: Mrázek (1984), Апресян (1967), Kačala (1971), Klimonow (1972), Daneš et alii (1973), Grochowski (1975), Běličová (1982).

нием слов с семантикой местонахождения (см. ниже, раздел I/3) и динамической квантификации (см. ниже, раздел I/5).²⁵

На русском и чешском материале весь комплекс двусоставных глагольных структур, предизирующих действия, процессы, рассмотрел в своей монографии М. Кубик (1977). В ней содержится ряд тонких методических и фактических наблюдений, не один импульс. В сравнительном же аспекте славянского материала подобные конструкции, наиболее обильные и наиболее „ядерные“, не представляют в своем схематическом, типовом обобщении никаких особых проблем: если иметь в виду их грамматический каркас (т. е. подлежащее и сказуемое), то здесь в слав. языках всюду наблюдается, в сущности, одинаковое положение вещей.

45 При условии, что лексическое содержание глагола в данном контексте не нуждается в восполнении, то данная схема предстает в своем рудиментарном, нераспространенном виде. Это двухкомпонентные предложения. Примеры:

р. *Володя вернулся*; б.-р. *Сястра атдыхаець*; у. *Батько промовчае*; п. *Stořice zachodzi*; в.-л. *Štomy kćęja*; н.-л. *Kukawa woła*; слц. *Dieťa spí*; ч. *Všichni se zasmáli*; слн. *Kmet orje*; с.-х. *Vozovi pište*; Брат се радува; б. *Баштата пѣтува*.

Чаще, однако, бывает так, что ради структурной, да и коммуникативной правильности, полноты, при процессуальном глаголе должны выступать еще дальнейшие партиципранты — один, два, три или даже больше. Таким образом получают экспандированные, или же распространенные, варианты, разновидности настоящей схемы, напр. р. *Володя любит музыку*; *Я всегда обращаюсь со своими студентами ласково* (см. ниже).

46 Подлежащее здесь в большинстве слав. языков остается обычно имплицитным тогда, когда его позицию должно было бы занять личное местоимение; ср.

п. *Objawimy ludziom ideę braterstwa*; в.-л. *Čitach knihu*; н.-л. *(Wše chwataju na terganje lana.) Rozkladuju jen na polo*; слц. *Sedel som ako na trńtí*; ч. *Narodil jsem se v Letovicích*; слн. *Poklicala sta Jožka (, pa ni hotel slišati)* с.-х. *Ušao je u stražar-nicu*; м. *Капнуваше под мекиот товар*; б. *Пийна си една ракия*.

Его эксплицитность в этих языках связана со специфическими условиями логического ударения, контекста, словопорядка, клитичности некоторых словоформ и ритма речи. А лишь изредка постановка местоимения вызвана необходимостью указать посредством него грамматическое лицо при синкретизме глагольных форм, ср. из н.-л. *Ja by ší te knigty dať (, ale ty mě je rozrywaš)*.

Лишь на вост.-слав. почве, в системной связи с внешне неглагольным типом *Я твой друг*, преобладает постановка личных местоимений на месте подлежащего. Притом они одновременно составляют спрягаемую парадиг-

²⁵ Мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что по этому пункту происходит некоторая классификационная непоследовательность, однако не в ущерб самому изложению исследуемых явлений.

му самого глагола. Ср. р. *Мы вам поможем*; б.-р. *Я сёння сустрэў Алеся*; у. *(Батько промовчав.) Він думає про своє*.

47 Вместо им. падежа существительного или местоимения, позиция подлежащего (актанта слева) может обслуживаться также и другими средствами выражения, приобретающими тогда, как правило, синтаксическую (вернее: синтаксемную) значимость им. падежа.

Особенно важно употребление в этой позиции инфинитива, что зависит от валентности слева самого глагола. Подлежащим можно признать такой инфинитив лишь постольку, поскольку он выступает альтернативом с фактическим субстантивным номинативом. Ср. р. *Удалось бежать — Удалось бегство*; *Предстоит работать — Предстоит работа*; под. *Сидеть здесь мне надоело*; *Слушать такую музыку устраивает меня*; *Мне уже случилось пережить кораблекрушение*.

Если же такой альтернативы нет, то за инфинитивом нельзя признавать функции грамматического подлежащего, а вся конструкция будет бесподлежащей. Касается это прежде всего позиции при некоторых безличных глаголах с модальной семантикой, типа р. *Следует молчать*, *Пришлось идти пешком*.

Однако конструкции такого рода уже не исходные. Это своеобразные дериваты последних, поэтому о них речь может идти только позже, в будущем предполагаемом томе (в разделе о субституции, где будут отмечаться и другие случаи специфических способов выражения подлежащего и сказуемого).

48 Численность и характер конститутивных распространителей (детерминантов, определителей, партиципантов, участников), благодаря которым и возникает структурно правильная исходная конструкция, зависит от валентности самого глагола. Определители эти по своей природе бывают или объектными (напр. *Володя любит музыку*, *Переводчик пользуется словарем*, *Мать заботится о детях*, *Дядя подарил ему часы*), или обстоятельственными (называют их также адвербиальными компонентами, напр. *Он поступил правильно*, *Сестра живет в Минске*, *Мы переехали из Уфы в Новосибирск*), причем возможна также и взаимная комбинация объектных и адвербиальных определителей (напр. *Учитель обращается с учениками ласково*).

В сравнительном межславянском плане здесь положение дел по отдельным языкам, в основном, аналогичное, не предоставляя никаких заметных структурных, типовых дивергенций. Примеры:

р. *Анализ длится десять минут*; б.-р. *Усё мяне здзіўляла*; п. *Czuł się zupełnie dobrze*; в.-л. *Susodža rěčachu mjez sobu serbsce*; н.-л. *Stara Darbnja lažy we płodnej nižynje rěčycki Dobry*; слц. *Těšime sa z vítězstva pokroku*; ч. *Sděлил jsem tu svůj názor na situaci*; слн. *Starši uče otroke lepega vedenja*; с.-х. *Put je vodio pored štite*; м. *Сепак тој потсетува на еж*; б. *Ясна звездна ноц прогони есенни намъцен ден*.

Только в м. и б. заслуживает внимания постановка местоимения наряду с другим тавтосемантическим существительным, в целях сигнализации объектной функции этого существительного. Ср. м. *Детето обеспокоено я дига главата, ги стиснува сувите усни; Им помагаше на партизаните*; б. *Полята росни ги дим пожарен замъгли* (Славейков); *На Светозар му хрумна една мисъл*. Впрочем, обстоятельные сведения о подобных явлениях, как и о функционировании падежей без предлогов и с предлогами в синтетических слав. языках, и также и наречий, в роли конститутивных распространителей, входит в раздел о внутреннем строении предложения. Правда, согласно семантическому направлению в синтаксисе последнего времени можно было бы существенным образом расширить настоящую главу, установив целый ряд отдельных семантико-формальных групп глаголов с одинаковым окружением определителей, однако такого рода семантическая детализация, повторяем, ничего релевантного к описанию общего профиля интересующих нас конструкций не прибавила бы.

Итак, отдельные разновидности данной подлежащей схемы, предципирующей действие в широком смысле слова, бывают — считая предикат и его партиципаны — двухкомпонентными (*Липа цветет*), трехкомпонентными (*Я встретил своего друга*), четырехкомпонентными (*Он подарил ему часы, Мы переехали из Уфы в Новосибирск*) и весьма редко и пятикомпонентными (*Петр ставит этот поступок Павлу в вину*). Еще можно лишний раз подчеркнуть, что не сюда, а к производным, относятся структуры типа р. *Мы считаем его способным тружеником* (двухбазовая контаминация), *Он считается нами способным тружеником* (то же + деагентивация).

2. ПРЕДИЦИРУЕТСЯ ОБЛАДАНИЕ

49 Выделение этих предложений в особый раздел диктуется, скорее, прагматической направленностью настоящего труда: они весьма частотны в речи, обнаруживая притом серьезне структурные межславянские различия.²⁶ В языках, где данный признак обладания, владения, преимущественно обслуживается посредством глагола *иметь* — *habere*, строго говоря, их органическое место было бы среди прочих процессуальных предикатов, хотя, с другой стороны, в отличие от подлинных процессов (действий) здесь перед нами статический признак, сообщение о той или иной „ситуации“.

²⁶ О семантике посессивности, обладания, об употреблении соответственных предикаторов и конструкций ср. особенно: Zimek 1960; Grickat 1961; Safarewiczowa 1964; Spalatin 1970; Kostov 1972; Piřha 1972; Селиверстова 1973; Tłokiński 1973; Vasilev 1973; Pisarkowa 1974; Popov 1974; Иванова 1975; Затовкянюк 1986 (b).

Семантика обладания (владения, посиденции) распадается, в основном, на два подкласса: (а) момент обладания, фактически вытекающая из самого положения вещей в денотате, оказывается актуально релевантным; это посиденция в узком, собственном смысле слова, напр. р. *У Ивана есть компас*; (б) момент посиденции по тем или другим причинам является ослабленным, нерелевантным, и тогда перед нами посиденция в более широком смысле слова (или же „семипосиденция“), напр. р. *У него синие глаза, Шляпа у тебя на вешалке*. Третью специфическую семантико-формальную рубрику составляют случаи, в которых стилизация посиденции секундарно накладывается на фактически непосредственные отношения, т. е. в смысле нарочитой „посиденциализации“, напр. ч. *Mám tu knihu již přečtenu, Dnes máme velmi hezké počasí*. Разумеется, в сферу исходных структур такого рода посиденциализации входить не могут, хотя о них вкратце упоминается ниже в § 59.

Посиденция в узком смысле слова

50 Для передачи этой семантики слав. языки располагают тремя основными типами конструкций.

(1) Тип ч. *Bratr má vilu*.

Название посессора выступает в позиции грамматического подлежащего, а предмет посессии — в роли грамматического объекта в форме вин. падежа. Конструкции этого типа занимают доминирующее, центральное системное положение в зап.-слав. языках, а немного менее центральное положение — в юж.-слав. языках. Примеры:

п. *Janek má kompas*; в.-л. *Mějachme za tebjе mlоko*; н.-л. *Tak malsnje ako pjenjeze změjo*; ²⁷ слц. *Majú auto*; ч. *Všichni dnes mají pračku*; слн. *Bova že nekaj imela*; с.-х. *Imao je deda tri syna*; м. *Иван ќе има компас*; б. *Всеки си има грижите*.

В вост.-слав. языках подобные построения значительно ограничены в своем функционировании. Касается это прежде всего русского языка: встречаемость глагола *иметь* здесь обусловлена лексическим окружением номинации обладаемых предметов (обычно отвлеченные субстантивы), причем соответственные сочетания нередко фразеологизированы, выступая гл. обр. в книжных стилях, ср. *иметь право, успех, все предпосылки, возможность*... Несколько чаще глагол *мець* употребляется в б.-р.. А укр. язык ярко отличается от двух последних синонимичным параллелизмом оборотов с *мати* и с *бути*: *Я мав гроші // У мене були гроші*. Примеры

²⁷ В обоих луж. языках будущее время выражается посредством простой формы глагола *habere* с приставкой *z-*.

употребления *habere*. р. Данное открытие имеет важное значение; у. Маю полотно на сорочки; б.-р. А дошкі мы маем.

51 (2) Тип р. У нас есть цветной телевизор.

Название посессора получает форму род. пад. с предлогом *у*, а объект владения — форму им. пад., становясь грамматическим подлежащим. Таким образом, структура ситуации получает иное осмысление с точки зрения эффициента — им становится обладаемый предмет (выступающий в форме им. пад.), в то время как посессор выступает в форме род. пад. с предлогом *у*; это означает, что семантика посиденции воспринимается как наличие чего-н. при ком-чем-н., у кого-чего-н. Перед нами своеобразная адэссивная конструкция, характерная для вост.-слав. языков: прежде всего для р., в немного меньшей степени для б.-р., и в еще меньшей мере для у.

При грамматическом значении наст. времени важно взаимодействие эксплицитности/имплицитности глагола *быть* в форме 3 л. ед. ч. Его вербализация диктуется следующим инвариантным фактором: момент обладания выступает в данном коммуникате как нечто релевантное, веское; в комбинаторных же значениях на синтагматической оси это проявляется либо рематическим характером самого момента обладания, либо тем, что посиденция носит релятивно устойчивый, стабильный во времени характер, либо тем, что объект владения не составляет интегральной составной части посессора (т. е. оказывается „отчуждаемым“, так что владение им не безразлично). Примеры из р. и б.-р.: р. *У меня есть деньги, авторучка, дача...; Квартира у них уже есть; Как же, у него есть жар!; У нас в Брно есть зимний стадион*; б.-р. *У мяне ёсць зброя, білеты...; Гэтая кніга у яго ёсць*. Если же вышеуказанный общий фактор отсутствует, то глагольный компонент остается при значении индикатива наст. вр. имплицитным: р. *У нас все деньги в сберкассе; У них большая квартира; У меня жар*; б.-р. *Кніга у табе на сталі; У нас вялікая радасць; У яго бяда*.

Примечание. Кроме оборота типа „У меня есть + им. над.“ некоторую роль в вост.-слав. языках играют варианты основного адэссивного оборота, при употреблении иного падежа с предлогом или иного глагола; ср. р. *На нем была чистая рубашка; В этой книге почти триста страниц; Компас со мной был; У этого растения имеется особый вид корня; У него стала лишняя пешка* (наступление посиденциального отношения); *У молодой женщины оказалось воспаление легких* (обнаружение признака) — последние два примера, естественно, уже переходят к производным структурам.

Украинский язык, в главных чертах разделяя аналогичные с р. и б.-р. способы выражения, характеризуется, как сказано, заметно меньшей емкостью адэссивного оборота. Другими словами, в нем налицо изофункциональный параллелизм двух рядов построений; ср., с одной стороны: *У мене теж є своя справа; Сухота в нього; У неї є дочка* (простая констатация наличия посиденциального отношения); с другой стороны: *Матимемо самостій-*

нудержаву; Люди мають сади, хати, дітей...; ²⁸ Вона мала двох дітей (как будто „она родила двух детей“).

Несколько меньший диапазон адэссивной конструкции в б.-р. доказывається, между прочим, и следующими парами эквивалентности: *Мы маем просьбу да вас* — р. *У нас к вам просьба*; *Дядуля мае мяккі характер* — р. *У дедушки мяккий характер*; *Ці мае ён сэрца?* — *Есть ли у него сердце?*

52 (3) Тип р. *Всему (есть) свое время.*

Здесь название possessора выступает в форме дат. пад., а название обладаемого предмета — опять в форме им. пад. Построения эти восходят к глубокой древности, были когда-то более частыми в слав. среде и известны также из других индоевропейских языков, ср. хотя бы ст.-сл. *i se ei bě sestra* Lc 10.39. ²⁹ Теперь они представляют в данном варианте, с семантикой подлинной посиденции, лишь периферийное, лексически ограниченное средство выражения. Притом в дат. пад. ощущается то семантика „для кого-н.“, то семантика притяжательная „мой, твой, его...“ (последняя альтернатива наиболее ярко представлена в юж.-слав. языках). Примеры известны с вост.-слав., отчасти с юж.-слав. территории, а совсем спорадически с зап.-слав. ареала, нося нередко фразеологический характер. Примеры:

р. *По крайности, царю будет слуга* (Из сказки); *А то вот еще какой мне был сон* (Тургенев); *Ну, теперь тебе слово*; *Ему там есть занятие*; *Вам от этого польза будет*; *Мука мне с этим человеком!*; б.-р. *Усяму свой канец*; *Будзе цару слуга*; однако: *Цяпер ты маеш слова* — р. *Теперь тебе слово*; у. *Горе буде тим, хто був у січовиках*; *Все тобі (! в тебе) буде, потерпи*; *Сьогодні вранці видіння мені було (! в мене було видіння)*; *Людам радість // У людей радість // Люди мають радість.*

Примечание. Чаше наши конструкции выступают в вост.-слав. языках тогда, когда они содержат отрицание, напр. р. *Не всё коту масленица*; б.-р. *Зараз мне няма часу*. Но подробнее об этом говорить здесь не приходится, налицо производные образования.

Из юж.-слав. языков ср. слн. *Obrazi so jim razodevali, kar jim je bilo v srcih* (Bevk); (...) *in tudi spominal se ni, od kod mu gosli v rokah in veselje v srcu* (Cankar); с.-х. *Мука ми је; Желја нам је; (...), да ми је дуџност одвести га на редарство*; м. *Денес ми е роденден // Денес имам роденден; Работа ми беше тука // Имав тука работа*; б. *Такъв му беше обичаят // Той имаше такъв обичай.*

Из зап. слав. языков лишь единичные фразеологизмы, напр. в.-л. *Jemu je sekera pred durjemi* „ему предстоит конфискация имущества“; при отрицании ср. ч. *Komu není rady, tomu není pomoci*; в.-л. *Hubje njeje wěra* „устам, словам нельзя верить“. Всюду здесь, пожалуй, семантика фактического

²⁸оборот с *бути* встречается чаще в вост. говорах, а оборот с *мати* — в зап. говорах.

²⁹Как известно, в латин. языке оборот *habeo librum* лишь вторично вытеснил более древний оборот *mihi est liber*.

обладания уже явно сублимируется, создавая переход к следующей рубрике семипоссиденции.

Поссиденция в широком смысле слова („семипоссиденция“)

53 Эта семантическая область отличается следующими чертами: (а) Самый момент владения посессором какой-либо субстанции оказывается ослабленным, неполным, вытекая притом из самого денотата — поэтому возможно обозначение „семипоссиденция“, некоторые разновидности которой могут называться пертиненцией; (б) на передний план в высказывании выступает в качестве релевантного коммуникативного фактора атрибут (качественный или количественный) или обстоятельство обладаемого объекта. Между семипоссиденцией и собственно поссиденцией, разумеется, нельзя провести никакой четкой грани.

В сравнительном аспекте важно, что лишь на меньшей части славянской территории эти отношения получают свою „поссиденциальную“ стилизацию, т. е. с употреблением специфического означающего (типа ч. *Jan má příjemný hlas*), в то время как в других языках соответственная стилизация будет реализоваться без подобного специфического означающего (типа с.-х. *Brada mu je več seda*). В последнем случае, следовательно, предсказывается качество или наличие в некотором обстоятельстве обладаемой субстанции, в силу чего данные конструкции этих языков лишь условно, цельности изложения ради, отмечаются на этом месте, в рамках поссиденции; упоминаются они, с немного иной точки зрения, также еще в рамках предсказания качества в широком смысле. Таким образом, в них сочетается семантика посессивности с семантикой качества или иного именного признака. В общем здесь вырисовывается 5 рубрик типовых случаев: (1) р. *Ему сорок лет*, (2) ч. *Má příjemný hlas*, (3) ч. *Plášť máš na všáku*, (4) ч. *Má syna inženýrem*, (5) ч. *Mám ty šaty viset ve skříni*. По этим рубрикам и рассматриваются ниже все явления.

54 (1) Прежде всего, как показывает и фактический материал языков, сюда входят предложения, сообщающие о таких свойственных людям характеристиках, какими являются определенный возраст, имя и т. п. Характерны здесь построения и с глаголом *быть*, и с глаголом *иметь*, да представлены еще и описательные обороты с другими глаголами. Следует напомнить, что при обозначении возраста квантификатор необходим в качестве конститутивного элемента, и поэтому соответственные конструкции надо признавать исходными, не производными. Примеры:

р. *Ему сорок лет* // *Ему исполнилось* (разг. *стукнуло уже*) *сорок лет*; *А имя мне будет — Филофей* (Тургенев); *Здесь человек живет, прозвище ему Сучок* (там же); *Его зовут Арсений* // *Арсением*; *у.Іванові 50 років* (чисто литера-

Примечание. Дативно-эссивная конструкция, столь характерная для юж.-слав. ареала, представляется в других зап.-слав. языках исключением; нами отмечены примеры из н.-л.: *A wuišoba běšo jomu poľna wjasela.*

В юж.-слав. языках преобладает оборот с дат. пад. „посессора“ и с глаголом *esse*. Стоит это в системной связи с тем, что и частые притяжательные отношения имеют своим десигнатором местоименный дат. пад., типа б. *баща ми* „мой отец.“ С наибольшей последовательностью указанный оборот ставится (в настоящей и в нижеследующих рубриках) в болг., мак. и сербохорв. языках. Ср.

б. *Ръката ми е болна; Такъв им беше обичаят; Лицето му беше измахнато и бледо; м. Таква му е судбината; Насмевката му беше штрбава; Левото око му е слепо; с.-х. Oči se mi bile pune suza; Lavu su nokt oštri; (...) bio mu je prst krvav.*

Словенский язык обнаруживает возможность выбора из параллельных конфигураций. Ср. *Образ* („лицо“) *mu je bled // Ima bled obraz (// Je bledega obraza, V obraz je bled); Pleča so mu bila široka; Besede so mu bile polne jedke ironie* (Bevk); *Oh, jaz imam srečno roko!; Imel sem suha usta* „у меня во рту пересохло“.

Подобная альтернатива построений с *habere* и *esse* представлена в других юж.-слав. языках лишь спорадически — употребление первого глагола мотивируется нарочитым подчеркиванием семантики владения, обладания; ср. показательную дублетную пару: с.-х. *Druga (noga) mu je bila drvena* (Андр.) // *I ja sam imam drvenu nogu, eto, invalid sam* (Сес.); м. *Но него го гледаше Аким Горески, кој имаше ампутирана нога* (Арв.).

На восточнославянской территории основным формальным коррелятом этих (и других частных) значений семипосиденции оказывается опять-таки адэссивная конструкция с препозициональным род. падежом, взаимодействуя в укр. яз. с посиденциальной *habere*-конструкцией. Примеры: р. *Голос у него приятний; У неє було поистине красивое лицо; у. Обличчя у нього змарніле; У Маши був хороший голос // Маша мала хороший голос; - Чуєте? — Вуха добрі маю* (Лад.); б.-р. *Голас у яго быў звонкі; Руки у яе былі моцныя і агрубелыя ад працы.*

Разумеется, употребляется также и притяжательный десигнатор, местоименный или субстантивный, типа р. *Его голос (был) приятен, Характер Павла был безупречный.*

Все сказанное выше об отдельных славянских языках относится аналогично и к предложениям, содержащим название такого объекта „обладания“, который не входит в интеграл человеческого организма. Имеется в виду тип р. *Работа у нас была трудная, ч. Práci jsme měli těžkou; с.-х. Je li vam rukopis gotov?; Konji su mi čoravi; м. Работа ми беше тешка; б. Но животът им е все неспокоен.* На славянском севере предложения с дат. пад. и глаголом *esse* встречаются при такого рода семантике, в общем, лишь периферийно, гл. обр. в высказываниях типа р. *Обед тебе уже готов*

— ч. *Oběd máš už hotový, připravený* (собственно: „обед для тебя“). Напротив, на славянском юге они представляют центральный элемент синтаксического строя.

56 (3) Иная частная разновидность предидируемой неполной посиденции, когда в данном сообщении важна не сама посессия, а локализация в пространственных или временных обстоятельствах — это подтип ч. *Plášť máš na věšáku* — р. *Пальто у тебя (висит) на вешалке*. Внешне, по своей поверхностной оформленности, он полностью похож на структуры в предыдущей рубрике 2). Примеры: слц. *Kabát máš na věšáku // Kabát ti je na věšáku* (опять контраст в отношении ч. языка); в.-л. *Plášć maš (/ je) na wěšaku // Plášć maš na hoce (wisajo)*; н.-л. *Plášć maš na kokuli (wisecy)*; п. *Plaszcz masz na wieszaku; Tę książkę miałem na stole*; у. *Піджак у тебе (/ Піджак маєш) на стільці, а галстук (у тебе) на столі*; б.-р. *У яго брат на поўначы*; слн. *Kje njemu oče, brat, sestra?; Plášć si imel na obešalniki* (двойная формальная возможность, напоминающая положение вещей в слц.); с.-х. *Gde ti je kaput? — Kaput ti je na vešalici; U krvi jim je saznanje da se pravi život*; м. *Палтото ти е на закачалката // Палтото го имаш на закачалката*; б. *Жертвата им беше в ръцете; Къде ти са очите, спял ли си* (Йовк.).

57 (4) Подобное внешнее оформление получают предложения типа р. *Сын у него инженер* — ч. *Má syna inženýrem/-a*. Их глубинная семантика, в зависимости от контекста и конситуации, допускает двойное толкование: либо можно усматривать здесь продукт двухбазового скрещения (а) *У него есть сын* + (б) *Сын — инженер*, либо скорее однобазовое построение с ингерентной посиденцией и с предидируемым только одного признака — качества (*Его сын — инженер*). Примеры:

р. *Сын у него (/ Его сын) инженер* (аналогично в у. и б.-р.); п. *On má syna doktora // Jeho syn jest doktorem* (второй способ встречается чаще); в.-л. *Jeho dzówka je studentka*; н.-л. *Jogo żowka jo studańc*; слц. *Syna má lekára // Jeho syn je lekár*; ч. *Má syna architekta/-em // Jeho syn je architekt(em)*; слн. *Hči mu se študentka // Hčer ima študentko*; с.-х. *Čerka mu je studentkinja*; м. *Майка му е учителница*; б. *Баца му е инженер*.

Примечание. В несколько отличном семантическом оттенке, передаваемом примерами вроде м. *Петар му е пријател*, момент посиденции целиком снимается, так что глубинный смысл следующий: „Петр — его друг“ // „Петр — друг ему“. Конструкция с дат. пад. в подобной семантической значимости известна также и на славянском севере, ср. хотя бы ч. *Vul mi přítel; Ona je mi matkou* (= „má ji jako matku“); р. *Ведь он друг (был) мне*. Подробнее данный тип рассматривается в разделе о предидирувании качества.

58 (5) В качестве двухбазовых следует рассматривать предложения с сочетанием финитного глагола *habere* + инфинитив, типа ч. *Mám ty šaty viset ve skříni*. Путь возникновения: а) *Mám ty šaty* + б) *Šaty visí ve skříni*. Такого рода обороты представлены, по-видимому, лишь в ч. и слц.

59 Речь идет здесь о том, что отношение обладания как будто нарочито накладывается на предципируемое состояние или результат действия. Тем самым поссиденциализация вплотную смыкается с областью ослабленной поссиденции (или же семипоссиденции), отличаясь от последней только тем, что в самом денотате никакое владение чем-либо обычно не имеется.

Входящие сюда случаи надо сплошь признавать не исходными, а модифицированными, производными структурами. Касается это прежде всего интересного славянского оборота типа р. *Mne neкуда иди* — ч. *Nemám kam jít*. Весьма трудно объективно определить, куда следовало бы оптимально отнести его рассмотрение в предлагаемой нами трактовке деривационного синтаксиса. Нет сомнения, что в нем имеется некоторая примесь частной модальности (возможность — невозможность реализации действия), и, вместе с тем, также и деагентивация в части славянских языков. Поэтому подобные построения будут рассматриваться в рамках деривированных структур.

Иной вариант поссиденциализации охватывает сообщения о разных состояниях природы, времени или окружающей среды. Применение глагола *habere* — *иметь* типично прежде всего для ч. языка, ср. *Dnes je pěkně* → *Dnes máme pěkně* (о погоде); *Je zde útulno* → *Mám zde útulno*. Перед нами опять-таки модифицированные построения. Они отмечаются более детально в связи с соответственными коррелятами с глаголом *esse* (§ 143).

Нет сомнения, что отражением секундарного поссиденциализированного восприятия денотата, т. е. некоторой структуры ситуации, является также весь тип т. наз. перфекта с причастием на *-no/-to*, известный не только из части слав. языков, но также из романских языков, отчасти из германских и некоторых других языков. Структуры вроде ч. *Mám úlohu už napsánu* представляют поссиденциализацию деагентивной конструкции, как это выявляет генеративная история: *Napsal jsem už úlohu* → *Úloha je už napsána* → *Mám už úlohu napsánu*. Здесь в общеславянском масштабе „лидирует“ македонский язык. Описываются они, естественно, только вместе с другими производными структурами.

3. ПРЕДИЦИРУЕТСЯ ЭКЗИСТЕНЦИЯ

60 Эта семантическая зона образует вместе с семантической сферой обладания определенную общую, единую противоположность семантике действия, процесса, поскольку здесь опять-таки речь идет о ситуативном, более или менее статальном характере содержания предиката. Поссиден-

ция и экзистенция в слав. языках (как и в ряде других языков) взаимосвязаны также и по той причине, что в них по-разному взаимодействует и переплетается использование глаголов *habere* — *esse*. Выделение нами значения экзистенции, наличия, существования некоторого субстанциального манифестанса обосновано коммуникативной важностью, элементарностью соответственных построений, выявляющих целый ряд существенных формальных различий между славянскими языками. Различия эти носят — в аффирмативных высказываниях — не столь структурно-грамматический, сколь лексико-грамматический характер.³⁰

Объем данной семантики следует трактовать в самом широком смысле слова. В его пределы входят, в сущности, три категории случаев: (а) значение подлинного, полновесного наличия некоторой субстанции; внутри его выделяются, в свою очередь, еще некоторые микрополя (со смыслами: „существовать“ — абсолютно или с некоторой релятивизацией —, „быть в распоряжении“, „встречаться“, „случаться“); (б) значение местонахождения и временной приуроченности (р. *Он был тогда в Киеве*); (в) значение ситуативной характеристики состояния, т. е. проявления разных временных, атмосферно-природных координат (р. *Уже весна, Была темная ночь*). В рубрике (а) предметно-коммуникативная весомость глагола наибольшая, в рубрике (б) уже меньшая, а в последней рубрике (в) глагол *esse* обретает более или менее характер связи.

61 Что же касается глаголов-предикаторов, то важен тот факт, что данная семантика реально или потенциально обслуживается основными экзистенциальными глаголами *esse*, *existere*, которым в небольшой части языков изофункционально соответствуют еще экзистенциальные *habere* или *dare*. У этих глаголов, разумеется, имеются еще свои индивидуальные, более эксплицитные или более специализированные альтернанты. Так, в р. мы находим *иметься, бывать, случаться, бытовать, встречаться, попадаться, водиться, помещаться, находиться, идти, проходить* и н. др. Весьма важно пролить во всем настоящем разделе свет на функциональную дистрибуцию этих стержневых предикатов по отдельным языкам, обусловленную той или иной частной семантической значимостью. Однако необходимо считаться с тем, что постановка глаголов, наделенных процессуальным динамизмом (напр., р. *случаться, идти, произойти, проходить, ч. pŕiházet se, probíhat, konat se*), переводит уже экзистенциальные предикаты в полосу процес-

³⁰ О семантике экзистенции, о бытийных конструкциях и соответственных предикаторах ср. особенно: Grickat 1961; Савицкий 1972; Проничев 1975; Георгиев 1977; Володина 1978; Benoist 1978; Babby 1978; Косеска-Тошева 1979; Арутюнова-Ширяев 1983; Mrázek 1985. К функциональному взаимоотношению глаголов *esse* и *habere* ср. Ginneken 1939; Benveniste 1960; Mrázek 1973; Feleszko 1974.

суальных предикатов или хотя бы в их направлении.³¹ Дело в том, что предикатор *esse* выступает зачастую в роли коммуникативно „удобного“, общего субститута определенного множества глаголов, насыщенных более конкретной предметной семантикой, следовательно, в роли своеобразного глагольного местоимения (*pro-verbum*). Общеизвестно, что вост.-слав. языки, за неимением спрягаемых презенсных форм глагола *esse*, подчас прямо вынуждены прибегать к тому или иному его заместителю.

Сравнительное описание слав. конструкций с глаголом *esse* и его эквивалентами дается в распределении на отмеченные 3 основные рубрики. Нужно лишь раз подчеркнуть, что всякое детальное деление соответственной глагольной семантики, да и всех конструкций с ними, не может не быть лишь приближительным, условным. Решающую роль в тексте играют лексическое окружение, контекст и коммуникативный замысел говорящего (в связи с актуальным членением).

Значение подлинного, полновесного наличия

62 Самым типичным микрополем, ядром всей семантики экзистенции являются предложения, сообщающие о том, что некоторая субстанция просто существует, наличествует. Коммуникативная полнота сохраняется даже при отсутствии любых иных партиципантов. Большинство слав. языков усвоили для передачи такого смысла, наряду с глаголом *esse*, те или другие индивидуальные глагольные предикаторы, соответствующие латин. *existere*: р. *существовать*, б.-р. *існаваць*, у. *існувати*, п. *іstnieć*, слц. *jestovati*, слн. *obstajati / obstati*, с.-х. *postojati*, м. *суштествува/постои*, б. *съществувам*. Глаголы, восходящие к отмеченной латин. лексеме, но не подвергшиеся „славянизации“, представлены прежде всего в ч. *existovat*, в.-л. *eksistować* и н.-л. *eksistowaś*, параллельно еще в части других языков (п. *egzystować*, с.-х. *egzistirati*, м. *егзистира*).

Несколько примеров их употребления: р. *Я мыслю, следовательно, существую*; б.-р. *Гэта дрэва існуе больш ста год*; у. *Така можливість існувала*; п. *Istnieją pewne aksjomy*; ч. *Toto všechno existuje již odedávna* (аналогично в луж.); слц. *Dedina jestvuje od nepamäti sveta*; слн. *Takšna možnost obstaja; Saj obstoje dokazi*; с.-х. *Otkad svijet postoji, toga čuda nije bilo*; м. *Постои мисленье; Суштествуват разни погледи*; б. *Аз мисля, следователно, съществувам*.

³¹ Касается это также и формальной десигнации частного значения местонахождения, обслуживаемого в р. — чаще, нежели в большинстве других языков — глаголами типа *стоять, висеть, лежать*. Естественно, за пределы предикативной экзистенции уже полностью выходят динамизированные предикаты в таких предложениях, как: р. *Я очутился в затруднительном положении*; п. *Obudziwszy się znalazłem się na zupełnie nieznanym miejscu*; ч. *Octl se o samotě, Dostal se do špatné společnosti*.

63 Тем не менее, чаще эта семантика обслуживается (особенно в разговорной речи) глаголом *esse*, а в м., б., отчасти в с.-х. — глаголом *habere*. Глагол выступает, как правило, в 3 л. обоих чисел, однако вост.-слав. языки ставят только его застывшую форму ед. ч., р. *есть*, б.-р. *ѣць*, у. *е/есть*. Его функционирование распространяется также на такие высказывания, в которых имеется в виду экзистенция чего-либо не вообще, а лишь в отношении к определенному пространству или времени, как и к определенным лицам, „потребителям“ (т. наз. диспозициональное значение, „быть в распоряжении кого-либо“). Опыт стратификации этих и прочих коннотаций был предпринят нами в последнее время в особой статье (Mrázek 1985). Примеры:

р. *Всегда это было и всегда будет; Есть такая партия!; Свободные места еще есть*; б.-р. *Ды ѣць жа ты, праўда, на свеце, ды ѣць жа ты, вечны закон* (Колас); *Ўць жа слуги*; у. *Плацкарта е (була); Там було вільне місце*;³² *Tam jest lotnisko*; *Sq (// istnieje, zachodzą) komplikacje; W tym sklepie są towary wszelkiego rodzaju*; в.-л. *W serbskej holi su hišće žorawy doma* (Šewc 1968); *Hižo su (// dawaja) pjenjezu*; н.-л. *Woběd dla wšyknych běšo*; слц. *Je pre mña miestenka?*; *Jesto mestá, kam noha ľudská ešte nikdy neprišla* (форма *jesto* архаическая, несогласованная, для ед. и мн. числа); ч. *Spravedlnost na světě je; Byly jen brambory*; слн. *Je bila (bo) takšna možnost; V Ljubljani je letališče; Bil je avtomobil*; с.-х. *Četvrta dimenzija ipak jest; Hoće li biti straža?* Однако с.-х. отличается уже меньшей емкостью глагола *esse*, ср. *Postoji (postojalo, naći će se) drugo rešenje; U Novom Sadu postoji (je postojao, će biti) aerodrom*. Это стоит в связи и частым применением *habere* — *ima*.

Примечание. Здесь же можно отметить устойчивые обороты, выступающие в инициальной экспозиции сказок, вроде ч. *Byl jednou jeden král*; р. *Жил-был царь*; у. *Був собі бідний хлопець*; с.-х. *Bio jedan starac* (в диалектах также: *Imalo jedna žena* — Ivčić 1960, с. 53), с аналогиями в остальных языках.

64 Болгарский и македонский языки употребляют здесь глагол *habere* в несогласованной форме *има*. Он уместен везде там, где нем. яз. ставит *es gibt*, франц. яз. — *il y a* (– *habet*), англ. яз. — *there is/are*. Это означает, что *има* иногда появляется не только в семантическом микрополе чистой экзистенции в пространстве и времени, но весьма последовательно также в варианте „диспозиционального“ значения, да еще в варианте со значением „арраге, осигуре“, „встречаться“. На этом месте приведем пока примеры без разновидности в смысле „встречаться“:

м. *Има таква партија (пари, таков човек); Во Брно има аеродром; Што има ново?; В реката има ше риба; Прашање е, има ли уште некој жив (Ян.); б. *Имало и убити и ранени; Там има място; В Брно има летище; Какво**

³² В у. глагол *бути* с экзистенциальным значением различных оттенков в форме наст. вр. встречается чаще, нежели в р.; ср. Zatovkaňuk 1964, с. 142.

има?; А по другите дървета имаше само пъпки; Едно време там имало манастир на Света Богородица (Йовк.).

65 При десигнации частного экзистенциального значения „аррагеге, оссугеге“, „встречаться“, в межславянском масштабе бросается в глаза сербохорватский язык. В нем представлена конструкция с *ima* (*bilo je, biće*) + род. падежом манифестанса. Ее инвариантная семантика заключается в следующем: эксплицитное сообщение о неопределенном квантифицированном наличии чего-либо („есть, имеются некоторые субъекты данного рода“, *es gibt, il y /en/ a*). Поскольку род. пад. в таком инварианте полностью интегрировался в центре языковой системы, не подвергаясь замене имен. падежом, то соответственные конструкции нельзя не признавать исходными, ядерными.

Примечание. Другое дело — подобное оформление предложения с род. падежом (чаще вещественных субстантивов) в остальных слав. языках, напр., р. *Масла еше ест*; ч. *Bylo jídla, Nebylo peněz*. Регулярным альтернативом в них оказывается имен. падеж (*Масло еше ест, Bylo jídlo, Nebylo peníze*), снимающий значение партитивности, неопределенности количества. Они квалифицируются нами как неядерные, находясь в парадигматическом ряду с прочими образованиями, в которых имеет место количественная модификация субъекта наличия, вроде р. *Было пять братьев*, ч. *Je málo (mnoho, spousta) sněhu*.

Пожалуй, и в с.-х. иногда не исключено взаимодействие конструкций с им. и род. падежами: *Ima velikih junaka :: Postoje veliki junaci; Ima dokaza :: Postoje konkretni dokazi*. В последнем случае момент неопределенно квантифицированной встречаемости предметов нарочито отменяется, а на передний план пробивается просто значение генерического наличия предметов; ср. еще примеры вроде: *Pred školom su lipe; Tamo su oni jablanovi*. Тем не менее, предложения с род. падежом имеют значительный перевес в речи. Подробнее можно указать следующие микротипы:

а) Название субъекта наличия выступает в форме множ. ч. (так бывает вообще чаще всего), в однобазовых высказываниях с акцентом на факте наличия, встречаемости: *Tamo ima naših škola; Ima li kakvih vesti?; Među njima ima i Turaka izbeglica; Osim poplava bilo je i drugih nasrtaja na most i njegovu kariju; Bilo je glupih žrtava*.

б) Подобные образования двухбазовой природы, составляющие сложное целое с относительной придаточной частью: *Ima (bilo je) ljudi koji. . .; Ima (bilo je) i takvih koji. . .; Ima (bilo ih je) koji. . .; Bilo je dece koja su po četrnaest puta navraćala na kazan; Bilo je trenutaka kada je sasvim gubio energiju; Ima predloga koji stoje s genitivom i s drugim padežima*.

в) Наличествующая субстанция получает форму ед. ч.: *Tamo ima (je bilo, će biti) mesta; Ali toga ima i kod nas; Bilo je i svijeca i srebra; Ima li još čega novog?; Ima katkad formalnog ukrštanja između logičkog i gramatičkog subjekta; Pred njegovom kućom uvek je bilo sveta koji ga je čekao; Ima vode*.

Примечание. Генитивная конфигурация настолько внедрилась в системе с.-х. языка, что не исключены и примеры вроде: *Dok me bude* „пока я буду в живых“, *Dok me bilo; Bilo ih je Čeha, Poljaka, Hrvata, Mađara i Nemaca* „это были чехи...“ (Andr.).

г) На передний план выступает уже значение местонахождения, локализации: *Bilo ih je svuda; Možda ih ima već i u vodenici*. При снятии смысла „некоторое неопределенное количество субстанций“ имеет место номинативная конструкция: *Bili su svuda, Možda oni su već i u vodenici*; ср. ниже § 70.³³

66 Разумеется, м. и б. тоже используют при десигнации „осциггере“, „встречаться, найтись“ глагол *habere*. Он (в отличие от с.-х.) сохраняется и за пределами презенса: б. *има, имаше, ще има..* Примеры: м. *Има по нашите села и такви старчиња*: (Ян.); *Илегалци во летото 1941 година имаше во повеќе градови* (Тод.); б. *Има таква хора; Вече в 1941 година имаше в Българија бойци против фашизма*.

Экзистенциальное *habere*, разных семантических оттенков, знает, впрочем, также и р., однако в возвратной форме *иметься*; укр. *матися* функционирует крайне спорадически. Ср. *Имеется такая возможность* (у. лучше *Є така можливість*); *В работе имеются недостатки; Свободные места еще имелись; Там еще имеются (есть) люди, которые..*

67 В остальном, большинство языков выражает смысл „осциггере“, „встречаться“ с помощью нейтрального глагола *esse* — *быть*. Наряду с ним существуют его индивидуальные, более конкретные синонимы, напр., р. *встречаться, попадаться*, б.-р. *сустракацца, трапляцца*, у. *траплятися, попадатися*, п. *zdarzać się, trafiać się*, слц. *vyskytovať sa*, ч. *vyskytovat se*. Примеры: р. *Встречались разные препятствия*; б.-р. *Такія людзі рэдка трапляюцца; На гэтым шляху сустрэліся цяжкасці*; у. *Є (// трапляються) на світі різні люди*; п. *Zdarzają się (// są, istnieją) ludzie, którzy...; W niektórych częściach świata trafiają, się jeszcze przypadki trądu „чумы“*; слц. *Sú (// vyskytujú sa) ľudia, ktorí...; ч. Byli (// vyskytli se) i ohleduplní řidiči*; слн. *Só nehteri, ki terdijo...*

Разумеется, что тонкие иные оттенки этой семантической значимости могут иметь своим экспонентом в предикате всех языков еще дополнительные, индивидуальные лексемы; ср. хотя бы р. *Здесь встречаются (появляются, выступают, налицо) другие суффиксы*; в.-л. *W horjeka mjenowaných přikładach jewja so tute formansy*: (Šewc 1968); п. *Powstały (zaszły, wystąpiły, zaistniały) nieoczekiwane komplikacje*. Интеративность наличия, встречаемости, может обслуживаться также и глаголом ряда р. *бывать*, напр., у. *He все горе, бували й радощі*; слц. *Bývali s tým veľké problémy*.³⁴

³³ Показательно, что аналогичные примеры с род. падежом нами отмечены также в н.-л., ср. *Voni słušaju do zwězka, daš teke někotarych němskich donkow tam jo* (Šwj.).

³⁴ Глагол этот может кое-где выступать и в подлинной полновесной экзистенциальной семантической разновидности „существовать“, особенно при отрицании; ср. р. *Предложений без предиката вообще не бывает*.

Если речь идет о животных как субъекте (манифестансе) экзистенции в определенном пространстве, то перед нами высказывания следующего рода: р. *В этой реке водятся (// есть) щуки*; б.-р. *У рацэ водзяцца акуні*; у. *У лісі водяться (// трапляються) ведмеді*; п. *V tych lasach są (// występują) wilki* (кроме того, еще и предикаторы *zamieszkiwać, być rozpowszechnionym*); н.-л. *Teke wjelki a mjadwjeże hyšći how dawašo!* (Rocha); слц. *V týchto lesoch žijú (// sú) ešte medvede*; ч. *V těchto lesích žijí (// jsou) ještě medvědi*; м. *Во шумата има разни животни*; б. *В гората има разни животни*; *Срецаат се в нашите гори вълци*.

68 Положение дел в лужицких языках заслуживает особой оговорки. Смысл „existere“, „es gibt“ передается в них не только с помощью глаголов *być (byś), eksistować (-aś)*, но также и *dawać (-aś), sydać (-aś)* — оба последних под влиянием нем. *geben, setzen*. Так, немецкому предложению *Es gibt (// setzt) Kartoffeln* соответствует в в.-л.: (а) *(Wone) dawa běrny* (—вин. пад.), (б) *Dawaja (// sydaja) běrny* (— им. пад.), (в) *Su běrny* (см. Michalk 1968, с. 423—424). Конструкция типа (б) является гибридной — немецкая лексема проникла в славянскую модель *Su běrny*.

Иные примеры (включая из диалектов, по Михалку):

Tam dawa butru (kotbasu, běrny); *Tam puki syda* („пощечины, побои“); *Tam dawje butra (kotbasa, papjera)*; *Tam dawjeje běrny*; *Tam puki sydaja*; *Tam běrny dawaja*. Подобным образом обстоит дело в н.-л., ср. хотя бы: *Tam dajo (// maju, pśedawaju) kulki*.

Оттенок „осцигере“, „встречаться“ может выражаться еще посредством *namakać so, namakaś se*, напр., н.-л. *How se namakaju wugle* „hier kommt Kohle vor“.

69 С семантическим полем „встречаться“, только что обстоятельно изложенным, сильно сближается поле, наделенное смыслом „accidere“, „случаться, случиться“. Входящие сюда предикаты имеют своим десигнатором в большинстве языков прежде всего глаголы ряда р. *бываць, быть*. Имеются в виду примеры следующего рода: р. *С женщиной (был) обморок*; *Такое бывает с ним часто*; ³⁵ у. *Всяко буває*; *У цієї країні часто бувають поводи*; слц. *Bývajú aj horšie situácie*; ч. *To bylo zcela nečekaně*; *Všelijaké nepřijemnosti někdy bývají*.

Примечание. При эксплицитной десигнации оттенка „существовать“ возможна и здесь в трех юго-вост. слав. языках (наряду с с.-х. *bivati*, м. *бидува*, б. *бивам*) постановка глагола *habere*, ср. б. *Има такива случуаи*; с.-х. *Ита (bilo je) i izuzetnih događaja*.

Кроме того, повсюду есть свои своеобразные заместители данной семантической разновидности основного предикатора, напр., р. *случацься*, б.-р. *трапляцца*, у. *траплятися, ставатися*, п. *zdarzać się* (он вытесняет здесь *бу-*

³⁵ Построения подобного рода довольно богато распространены по слав. территории, нося индивидуальный, зачастую фразеологический характер; ср. хотя бы ч. *Co je s tebou? // Co je ti?* м. *Што ти е?* б. *Какво ти има?*

waś), слц. *stávať sa*, ч. *stávať se, príhodiť se*, слн. *zgoditi se, primeriti se*, с.-х. *догодиту се, деситу се*, м. *се случува*, б. *ставам, случвам се* (в перечне оставлється в стороне разность глагольного вида). Примеры из некоторых языков:

р. *Случаються різні речі*; б.-р. *У жыцці трапляюцца такія абставіны*; у. *Таке траплялося з ним ще тоді, коли він був маленьким*; п. *Takie wypadki zdarzają się*; н.-л. *Take se mě hyžo stalo*; ч. *To se přihází; Co bylo, to bylo, nic naplat*; с.-х. *(Iz zapisnika se može sastaviti slika onoga) što se desilo*; м. *Се случи нешто неочекувано; Што се случува?*; б. *Това често се случва; Какво става?* (Выше уже отмечалось, что употребление названных глаголов вызывает тесное сближение экзистенциальных предикатов с предикатами процессуальными.)

Значение местонахождения и временной приуроченности

70 Момент самого наличия субстанции отстает обычно на задний план, так что весомым компонентом сообщения становится указание пространства, времени, реже — иных координат. С этим связано то, что глагол *esse*, приближаясь к связке, остается в индикативе презенса имплицитным в вост.-слав. языках, ср. р. *Он уже дома*. Все без исключения слав. языки применяют его здесь в качестве основного, стилистически нейтрального средства выражения. Примеры:

р. *Мой друг сейчас в Киеве; Вчера мы были в театре; Он будет (т. е. здесь) к 10 часам*; б.-р. *Так близка роднае сяло; Учора я быў у кіно*; у. *Санітарні підводи внизу ліворуч!* (Гон.); *Коло нього був собака; В кімнаті хтось є* (этим образом в у., б.-р. и р. лишь при акцентировании момента наличия); п. *Kazik jest (będzie) na zebraniu; A gdzie ona jest teraz?*; в.-л. *Nan je na polu*; н.-л. *Běch w městach wjelgin chwalonych; Som pla Słowjanov, pla bratšow!*; Буз (т. е. „останься + здесь“) *hyšći chylku!*; слц. *Som teraz v Poprade; Doma budeme toľko popoludni*; ч. *Petr je teď v Ostravě; Na procházce jsem byl jen chvíli*; слн. *France je (bo) v Zagrebu; Doma je bila samo Micika; Tukaj sem!*; с.-х. *Škola je onde; Milan je bio (će biti) na sastanku; U planini behu hajduci, u gori također*; м. *Иван е дома; Тој беше на собраниео; Често сум был кај нив; б. Иван е в кџици; Аз бях на събраниео; В дневния ред са следните въпроси.*

Следует оговорить, что в б., м. и с.-х. может в такого рода конструкциях появляться глагол *habere* при условии, что значение наличия подчеркивается или же имеет место неопределенная квантификация (в с.-х.); ср. м. *Книгата е во моята библиотека // Книгата я има во моята библиотека „имеется, существует“* (подоб. обр. в б.); б. *В аудитория е само Иван (... са само студенти // има само студенти — так чаще)*; с.-х. *Ih ima i po svima ostalim krajevima kasabe.*

71 Слав. языки усвоили некоторые лексические функциональные аналоги для эксплицитации значения местонахождения, пребывания в пространстве. Перед нами прежде всего известный европеизм ряда р. *находиться*, франц. *se trouver*, нем. *sich befinden*. Носят эти глаголы больший или меньший налет книжности. Так, ч. и слц. явно отдают и здесь предпочтение „местоименному“ слову *esse*, в то время как р. *находиться* или особенно п. *znajdować się* не чужды и разговорной речи; ср. хотя бы: р. *Он находится в затруднительном положении* — слц. *Je v ťažkej situácii*.

Если считаться с десигнацией смысла „помещаться“, то можно указать еще следующие главные предикаторы: р. *находиться, помещаться (размещаться), состоять (на работе, службе...)*, б.-р. *знаходзіцца, змяшчацца*, у. *знаходзіцца (віднаходзіцца), міститися*, п. *znajdować się (// znajduwać się), mieścić się*, в.-л. *namakać so*, н.-л. *namakaš se*, слц. *nachádzať (// nachodit') sa*, ч. *nacházet se, nalézat se* (сугубо книжное, в литер. яз. отчасти однозное), слн. *nahajati se*, с.-х. *nalaziti se*, м. *naoѓа се*, б. *намирам се*.

Приведем несколько примеров: р. *Канцелярия находится (// помещается) на третьем этаже*; б.-р. *Там яшчэ змяшчалася маленькая крамка*; у. *Він знаходзіцца в скрутному становішці*; п. *Nie mogę się zorientować, gdzie się znajduję*, с.-х. *Кице ових гornjih Kurlana nalaze se pola sata uzbrdo (Вожіć)*; м. *Каде се наоѓа информативното биро?*; б. *Къде се намира справочното бюро?*

72 По отдельным языкам в роли „локализационного“ предиката используются еще дальнейшие глаголы, при желании в точности передать определенный семантический нюанс. Напр., при персоническом субъекте мы находим с.-х. *baviti se, boraviti*, м. *престојува, б. пребивавам, ч. zdržovat se*, р. *побывать*, и под. в других языках. Вост.-слав. языки (видимо, по системной причине „нулевой“ спрягаемой формы презенсного *esse*) вообще тяготеют к употреблению локализационных лексем типа р. *Цветы стояли в вазе, Эта книга лежит на столе*. Заслуживает внимания пометка глагола ряда р. *бывать* в знач. „побывать, пребывать, посещать“: р. *Коростелев каждый день бывал в больнице (Панова)*; б.-р. *Раз у тыдзень я бываю у кіно*; у. *Вона перебуває за кордоном*; п. *Wywa tutaj dopiero około dziesiątej*; ч. *Do desíti bývám denně doma* (ч. *bývat* означает также „проживать в своем жилье“, с аналогиями по другим языкам); б. *Често съм бывал у тях; Той кога бива у дома си?*³⁶

В некоторых языках семантика посиденции, обладания, стилизуется в качестве экзистенции объекта у кого-либо (р. *У них есть чудесная дача*) или для кого-либо (р. *Вам было письмо*, слц. *Klobúk ti je na vešiaku*, слн. *Od kod ti gosli v rokach?*). Об этом говорится выше, в предыдущем крупном разделе (§ § 51—56).

³⁶ Но рядом с этим также: „Он часто бывает у нас“ — *Той често идва у нас*; под. „Сегодня я буду у вас“ — *Днес ще дойда у вас*; „Я регулярно бываю на работе“ — *Идвам редовно на работа* (м. *Доаѓам редовно на работа*).

73 Рассматриваемые в данной рубрике сочетания глагола *быть* с косвенным падежом имени или наречием приобретают иногда — в той или иной степени — значимость качественного признака. Ср. ч. *Vy! jsem v rozpacích* „я колебался“; *Vy! byla dlouho v nemocnici* „была долго больна, долго болела“; *Je už bez rodičů* „он уже сирота“; *Он был вне себя*; *Она (была) в голосе*; *Его книги под запретом*; *Дедушка был при смерти*; *Они (были) против нас*. Косвенный падеж может иметь не только адвербиальную, но и объектную примарную природу, ср. р. *Следующая лекция будет о Маяковском*. Ко всему этому см. при предикции качества (§§ 97—99).

74 Промежуточное положение между значением подлинного, полноценного наличия и значением пространственно-временной приуроченности занимают высказывания, наделенные смыслом „происходить, состояться“. С первым значением они соприкасаются тогда, когда глагол сам по себе является ремой (р. *Собрание будет*), а со вторым значением — когда в позиции ремы выступает обстоятельство времени или места (р. *Собрание будет завтра*, *Заседание было в аудитории четвертой*). Позицию грамматического подлежащего чаще занимает отвлеченное, отглагольное существительное, называющее действие, деяние, событие, случай. Помимо наиболее частого глагола *esse* мы находим в предикате еще один-два глагола в каждом языке, напр., р. *иметь место, состояться*, у. *відбуватися, мати місце*, п. *odbywać się, mieć miejsce*, луж. *wotměwać so, wotměwać se*, слц. *konat sa, prebehat*.³⁷ Избранные примеры:

р. *Наш разговор был минувшим летом*; *Заседание состоится в актовом зале*; б.-р. *Яно (= вяселле) было якраз перад самаю яго смерцю* (Таг.); *Апошнія наведамленні зараз будуць*; у. *Засідання було (// відбувалося) в залі*; *Збори будуть (// відбудуться)*; п. *Posiedzenie będzie (// odbędzie się) w czwartek*; *Egzaminy są (// odbywają się) dzisiaj*; ч. *Beseda byla (// se konala) za poledne*; слн. *Sestanek je bil včeraj*; *Kaj ho, če padem?*; с.-х. *Viće sastanek*; *Upis je od 1. septembra*; м. *Собрание то ке биде*; б. *Концертът ще бъде в четвъртък*.

В м. и б. не исключена постанова глагола *habere* — *има*: м. *Кога стаса, истата вечер имаше претстава во театарот* (Стард); *Собрание ке има*; б. *Концертът ке има*. Здесь играет роль, видимо, квантификационная неопределенность эффициента (и тем самым *смысл il y a, es gibt*).

Значение ситуативной характеристики

75 В последнюю область широкой экзистенциальной семантики входят коммуникаты, информирующие о бытии разных явлений временных, природных, атмосферных или окружающей среды. Таким образом, их подлин-

³⁷ Снова необходимо учитывать, что в подобных случаях предикатная семантика уже обретает характер семантики процессуальной.

ным содержанием является сообщение о том или другом состоянии. Вытекает это из лексического содержания существительных, называющих субъект бытия, ср. р. *Была тишина, Сегодня пятница, Завтра будет мороз.*

Глагол *быть* (реже — *бывать*) в подобных предложениях по всем славянским языкам ставится весьма последовательно. По своей природе он фактически оказывается связкой, будучи наделенным лишь самым общим, т. е. грамматическим, значением бытия и выступая на службе сигнализации грамматических категорий времени и наклонения; категория лица бывает стереотипной — 3 л. ед./мн. числа. Благодаря своему семантическому содержанию и регулярной связочной значимости, конструкции эти сродни безэффицентным конструкциям с предикативным кратким прилагательным/наречием („предикативом“), и некоторые теоретики были склонны рассматривать их все как односоставные (напр., Trávníček 1951, с. 626). Имеются в виду следующие параллели: р. *Было тихо — Была тишина; На улице жарко — На улице жара.* Много рассуждений и споров было, в частности, по поводу вост.-слав. построений с презенсно-индикативной значимостью при имплицитной связке: р. *Зима; Жаркий полдень.*

Автор этих строк в настоящее время считает, что в таких русских предложениях с нулевой формой связки противопоставленность односоставный :: двусоставный нейтрализована. Это зависит от парадигматических отношений; ср., с одной стороны, *Была, будет зима* (двусост.), а, с другой стороны, чисто неглагольное односост. образование типа *Пожар!, Москва!, Оживление, гомон, последние рукопожатия.* Кстати, в этом последнем случае речь идет уже о высказываниях сентенциально не структурированных. В пользу двусоставной поверхностной трактовки примеров вроде *(Был) мороз, Будет дождь* говорит: (а) наличие имен. падежа существительного, (б) возможное акцентирование глагола в роли ремы (*Мороз будет*), (в) необходимость учета распространенных предложений (*Вчера был сильный ветер, Сильный ветер был и на севере страны*).

76 При сравнительном обзоре наши построения не вызывают проблем на уровне формального отличия. Внимания заслуживают, пожалуй, лишь два обстоятельства: (а) отмеченное отсутствие эксплицитной презенсно-индикативной связки в р., б.-р. и у.; (б) энклитичность связки в юж.-слав. языках, что составляет яркую их специфику, относящуюся к сфере самой языковой системы, т. е. к области грамматического словоупорядка, ср. слн. *Pomlad je, с.-х. Proleće je, м. Пролет е, б. Вечер е.*

Иллюстрация: р. *Темная ночь; Была ледяная стужа; Завтра будет суббота;* б.-р. *Была цёмная зёмовая ноч; Ноччу будзе дождж;* у. *Була весна; Бчора був вівторок; Когда зараз година?;* п. *Dziś jest piątek; Jest (był) spokoj; W tym roku jest jakaś dziwna zima;* в.-л. *Je wójna; Wčera běše njedžela;* н.-л. *Wono jo wusoki swěžeři* (употребление *wono* не чисто литературное, под влиянием нем. языка); *Połdnjo běšo a wšyknje luže wotpocywachu;* слц. *Bol, silný vietor; Zajtra bude*

mráz; ч. *Bylo dusné odpoledne; Je tu úplný klid*; слн. *Pomlad je (je bila, bo); Danes je petek; Včeraj je bila sreda*; с.-х. *Petak je (vašar je); Bilo je (biće) proleće*; м. Тушина (војна, пладне) е; *Колку е часот?*; *Беше (Вчера беше) вторник*; б. *Вечер (петак, пролет) е; Беше вечер (петак, пролет)*.

77 При сообщении о природно-атмосферных явлениях повторность, обычность их может передаваться с помощью глагола *быва́ть*, вроде р. *Здесь часто бывают дожди*; б.-р. *Маланка („молния“) бивае i зимою*; п. *Tam często bywają ostre mrozy*; слц. *Byvajú tu horúčavy len zriedkavo*; ч. *Po ránu už bývá chlad*; под. в других языках.

Кое-где встречается замещение предикатора *esse* другой лексемой, если речь идет о состоянии погоды или окружающей среды. Ср., напр., р. *Стоит хорошая погода; В маминой комнате стоял непривычный запах табака*; б.-р. *Увесь дзень стаяла страшэнная гарачыня*; п. *Panowała zupetna cisza; Zapanował spokój; Tutaj często występują ostre mrozy (zdarzają się, powodzie)*. Аналогичным образом располагают и остальные языки своими специфическими заместителями и конкретизаторами глагола *esse*, наделенными нередко книжным, „поэтическим“ оттенком.

Еще следует отметить вариант, выражающий указание даты, праздника, знаменательного дня. Здесь им. падежу в некоторых языках соответствует род. пад.: р. *Сегодня десятое апреля* — ч. *Dnes je desátého dubna*; р. *Был Николаев день* — ч. *Bylo Mikuláše* Такого рода образования, несмотря на наличие генетива или количественного детерминанта, являются ядерными, исходными, ибо они ни в какие более элементарные образования не преобразуемы, нет здесь альтернативы с конструкторными попросту. Так же обстоит дело и с иными высказываниями, информирующими о температуре, времени суток и т. п., напр., р. *(Сегодня) было двадцать градусов ниже нуля; Уже (будет) восемь (часов)*. Это переключается с такой же исходной природой посиденциальных предикатов типа р. *Ему (было) сорок лет* (§ 54).³⁸

78 В заключение полезно прибавить еще краткое примечание об общеотрицательных экзистенциальных предложениях. В слав. языках имеют место две важные формальные модификации:

(1) Глагол *esse* в форме наст. вр. замещается глаголом *habere* в б.-р., у. и п., причем субъект получает форму род. падежа. Перед нами интересная синтаксическая изоглосса. Ср. б.-р. *У горадзе нічога цікавага няма*; у. *Доказів немає*; п. *Nie ma komplikacji*. На славянском юге презенсное *нема* (с.-х., м.), *няма* (б.) представляет, конечно, в части конструкций только отрицательное противопоставление формы *има* в аффирмации, напр., с.-х. *Nemalo brata u kući* м. *За такво чувство нема израз*; б. *Директора го няма*.

³⁸ Со сравнительной точки зрения все-таки построения, с крайне частой речевой реализацией, заслуживают дальнейшего специального изучения, хотя в этом направлении синтаксические изыскания уже смыкаются с информацией в различных разговорниках, пособиях по фразеологии и речевой практике.

(2) Им. падеж субъекта в ряде случаев превращается в род. падеж отрицательный, ср. слц. *Ved' čertov nieto*; р. *Но меня там уже не было*; слн. *Druge rešitve ni (ni bilo)*. Чешский и лужицкий языки используют этот падеж реже других языков.

Подробное освещение этой проблематики дается в рамках описания производных предложенческих структур.

4. ПРЕДИЦИРУЕТСЯ КАЧЕСТВО

79 Предикация некоторой субстанции качественного признака реализуется с помощью предикативного имени, между тем как глагольный компонент — связка — служит, в основном, лишь для грамматического оформления конструкции, для передачи грамматических значений времени, наклонения и лица. Понятие качества толкуется здесь в самом широком смысле. Более подробно: перед нами либо квалификация (качество субъекта-манифестанса в собственном, узком смысле слова, ср. р. *Он талантлив*), либо классификация (отношение к классу, роду, ср. р. *Орел — хищник*). К этим двум разрядам примыкают еще некоторые дополнительные семантические разновидности, напр., выражение тождества (ср. р. *Москва — столица Советского Союза*).³⁹

Глагольный компонент

80 Основную роль во всех слав. языках играет связочный глагол *esse* — *быть*, вместе со своей итеративной разновидностью *быва́ть*. В р. и б.-р. в функции чистой связки выступает еще глагол *явля́ться, з'яўляцца*. Делексистикализация и вовлечение его в копулятивную роль (преимущественно в книжных стилях) было системно вызвано отсутствием спрягаемых форм наст. времени глагола *быть, быць*. В качестве связки в обоих языках, а отчасти также в у.-по тем же системным причинам применяются еще некоторые другие глаголы (*служить, доводиться, состоять*...). Кроме того, позицию глагольного предикатора во всех слав. языках могут занимать глаголы, привносящие в семантику проявления предикативного признака еще тот или иной оттенок: фазисный, субъективно-модальный, эмергенциальный (т. е. выявления или проявле-

³⁹ Литература об именном предикате двусоставных предложений с широко качественной семантикой, о связке и формах имени, обильна. В порядке (интуитивного) отбора можно указать хотя бы следующие работы: Zimek 1963; Мразек 1964 (предикативный творительный падеж); Večerka 1963; Křížková 1970 (особо важная, сравнительная работа); Evreinov 1973; Zimek 1974; Schaller 1975; Сепреева 1978; Sawicka 1979; Petr 1983.

ния признака) и т. д.; напр. р. *стать/становиться, остаться/оставаться, выглядеть, оказаться, слыть, считаться*. Однако построения со всеми этими глаголами, супплирующими чистую связку или модифицирующими ее семантически, так или иначе выходят за рамки исходных, элементарных структур, вследствие чего более точным оказывается включить их целиком в число производных структур (в раздел „Субституция компонентов предложения“). Туда же нами относятся и предложения с переходными глаголами типа р. *представлять (собою), означать, у. становити, представляти, знаменувати*, с аналогами в остальных языках. Таким образом, ниже описываются, в основном, только такие построения, которые содержат эксплицитную или имплицитную „чистую“, основную связку.

81 Наиболее характерной чертой является нулевая форма связки *быть* со значением изъяв. накл. наст. вр. в восточнославянских языках. Напр., р. *Ваня уже здоров; Это событие — знаменательная веха в истории России; Все в восторге от его блестящего выступления; у. Дружба народів — джерело сили Радянського Союзу; Він мені винен сто карбованців; Чубенко там за старшого; б.-р. Гэтыя боты мне завялікія; Наши суседкі — малады і прыгожы народ; Ён у захапленні*.

В этих поверхностно бессвязочных (а в глубине своей связочных) предложениях для более четкого расчленения состава подлежащего от состава субстантивного сказуемого ставится иногда частица р. *вог, это, у. ось, це, б.-р. вось, гэта*. Ср. р. *Знание — это сила; у. Зв'язка — це службове слово; Лукія — ось його щедра молодість; б.-р. Грошы — гэта сила; Няволя, крыўда — вось іх маці*.

В большинстве остальных языков построения подобного рода сигнализируют, скорее, обособляющую антепозицию подлежащего, ср. ч. *Positivá práce — toť předpoklad další cesty rozvoje; с.-х. Narod, to smo mi*.

Однако весьма показательно, что подобные внешне безглагольные предикаты с указательным элементом *to* довольно широко представлены в польском языке, хотя в нем презенсная спрягаемая связка большей частью бывает эксплицитной. Ср. *O, radio to genialny wynalazek!; Wiedza to potęga; Zrzywanie to także sztuka; To bardzo proste; To doskonałe*. В иных случаях нулевая связка встречается редко, ср. *On głupiec; Ja biedak, a ty pan; Moje życie na włosku*. Мы имеем дело с любопытной синтаксической изоглоссой этого языка с вост.-слав. ареалом.

82 В определенных случаях вост.-слав. языки все-таки употребляют связку *быть* в форме р. *есть* (мн. *суть*), у. *є*, б.-р. *ёсць*. Особое положение занимает у.: В нем „оглаголивание“ предиката с помощью связки *є* обнаруживает возрастающую тенденцию, в результате чего происходит совстречаемость внешне глагольных и безглагольных образований: *Весна є краща пора року // Весна — краща пора року; Ти є пустеля палюча // Ти — пустеля палюча*. Чаще форма *є* встречается в научном и публицистическом стилях, выполняя здесь функцию, близкую

к р. *являться*; она может относиться к любому грамматическому лицу, и при ней выступает или твор. пад., или (реже) им. пад. Примеры: *Пропозиції автора є доцільними; Джерелом наших уявлень є відчужання; Ви довго вже є членом організації?* Форма *єсть* появляется иногда в художественном стиле, а в других стилях — единично, напр., при акцентировании: *Я єсть народ, якого правди сила ніким звойована ще не була* (Тичина).

Р. связочное *єсть* носит эксклюзивный характер, употребляясь подчас в точных дефинициях или вообще при коммуникативно-семантической необходимости внешне „оглаголить“ конструкцию; ср. *Программа єсть машинный алгоритм; Это єсть наш последний и решительный бой* (из Интернационала); *Ты был и єсть наш приятель; Так он-то и єсть наш инструктор*. Подобным образом обстоит дело в б.-р.: *Ты быў и ёсць наш прыяцель; А ён і ёсць той чалавек, якога ты шукаеш*. Сюда же примыкает отождествительная конструкция типа р. *Работа єсть работа; б.-р. Горад ёсць горад; у. Життя є життя* (но здесь не исключен и твор. пад.: *Влада є владою і її треба слухати*). Форма множ. числа в р. звучит *суть*, ее встречаемость минимальная; лишь в специальных текстах по математике, кибернетике, логике и т. п. она появляется чаще; ср. *Обе величины суть отправные точки последующих операций*. Отсутствующая форма наст. вр. основной связки *быть* в р. и б.-р. выгодно может замещаться формой буд. вр. или итеративом *бывают*: р. *Пусть это будет вам примером; Эти предложения бывают двух видов*.

83 Еще приведем примеры предложений со связкой *являться*, сочетающейся преимущественно с существительными, и с ее единичным вариантом *являть собой*: р. *Маркс являється великим учителем пролетариата; Именно эта ночь явилась подлинным началом их боевой жизни; б.-р. Кожны на самой справе з'являецца вельмі небяспечным чалавекам; р. Раньше германское рабочее движение являло собой образец для социалистического движения других стран; у. Лекало являе собою спеціальну криву лінійку*. Напомним, что в у. нет прямого соответствия простого р. *являться*.

Построения с иными заместителями „чистой“ связки (вроде: р. *Метели служат часто причиною образования лавин, Смирнов состоит членом заводского комитета, Подобные случаи представляют (собой) исключение, у. М'який ліризм становить (— „представляет“) особливу рису байок Глібова, б.-р. Кім ты мне даводзішся?*) рассматриваются, как сказано, из-за своей непервичности во втором томе всего сочинения.

В остальных слав. языках проблема чистой связки и связочных глаголов не играет столь важной роли — обычно ставится глагол *esse* — *быть, бывать*. Его редкая имплицитность обусловлена стилистически, и вся конструкция является маркированной (лозунги, девизы, поговорки, телеграммы и пр.).

84 Он служит собственным носителем предметного содержания сказуемого. Примарным десигнатором качественного признака в узком смысле слова, т. е. квалификации, оказывается имя прилагательное (р. *Он всегда весел*). Присвязочное же имя существительное передает, наряду с квалификацией, чаще классификацию (р. *Он весельчак, Он мастер своего дела, Он учитель, Он уже в генералах*), т. е. качественный признак в самом широком смысле. Центральными вопросами способов его формального выражения являются: (1) дистрибуция форм им. :: твор. падежей, (2) доля функционирования кратких форм прилагательных во взаимодействии с имеющимися полными формами. Кроме того, встают еще некоторые частные вопросы, как-то: функционирование беспредложного род. падежа и других косвенных падежей с предлогами, употребление прочих морфологических средств в позиции присвязочного компонента.

85 (1) Творительный присвязочный

Этот падеж, взаимодействуя с именительным падежом, составляет более широкое структурное единство с тем же падежом в положении при других, полусвязочных и также автосемантических глаголах, в синтаксической позиции предикативного определителя. Ср. р. *Он был (оказался, состоял, работал, был избран) секретарем*. Его знают славянские, а также и балтийские языки. На протяжении исторического развития можно проследить его постепенное укрепление и распространение. В части языков он до сих пор сохраняет свою продуктивность, в других же он уже перешагнул свой зенит, выявляя тенденцию к отступлению (с.-х.) или выйдя полностью из употребления (слн.). В м. и б. подлинного развития этого падежа, в связи с переходом к аналитической именной флексии, произойти не могло. В луж. языках, после периода почти полной его утраты, в последнее время наблюдается определенное искусственное возрождение этого синтаксического средства. П. отличается, в общем, наиболее обильной постановкой твор. пад. при эксплицитной связке, однако при других глаголах частотный и типовой приоритет принадлежит р. языку; с ним сближаются других два вост.-слав. языка. За ними со значительным расстоянием следуют слц. и ч., еще реже его встречаемость в с.-х., а последнее место занимают луж. языки.

86 Адъективный предикативный твор. пад. сильно уступает тому же субстантивному падежу в частотности и функциональной способности. Он оказывается исторически вторичным, гораздо более поздним, нежели субстантивный твор. пад. Свободно он употребляется только в р., у. и б.-р. (здесь — реже). Примеры: р. *Сражение было кровопролитным; Жизнь на Земле в далеком будущем будет изумительно красивой; Эти два рубля были моими*; у. *Вживання орудного відмінку є майже абсолютним; Зустріч була короткою; Сумним було те прощання*; б.-р. *Яна была старэйшаю за брата; Тваё пакаленне будзе шчаслівым*.

В п. твор. пад. при финитной форме связки выступает изредка: *Był mi obcym i nierzeczywistym; W dzieciństwie to jest chyba najważniejszym; Niech Fortuna szczerą ci będzie.* (Другое дело — в позиции при именных глагольных формах или в безличных предложениях, где он появляется в качестве основного средства: *będąc pewnym swojej samotności; można być szczęśliwą; zawsze jest się obcym;* см. Křížková 1970, с. 36—37.

Слц. и ч. допускают его в виде исключения лишь при желании или прямо необходимости передать отчетливо предикативную, а не атрибутивную, функцию, причем сфера его проявления в слц. немного шире, нежели в ч. Примеры: слц. *Poučnou v tomto ohľadu je už samotná empiria; Nikdy vraj nebol ťažšie chorým;* а также с нефинитной связкой: *Treba byť skromným;* ч. *Je mylným tvrzení, že prý...* (При других глаголах, полусвязочных, твор. пад. встречается в обоих этих языках чаще.) Из с.-х. собственными примерами мы не располагаем, что отражает необычность твор. падежа прилагательных (однако при фазисном глаголе ср. опять *Zidovi su postajali sve tamniji-ma*). В.-л. и н.-л. его вовсе не знают.

87 Функциональная емкость субстантивного твор. падежа, следовательно, в общем заметно больше. Именно в связи с ним уместно отдавать в инвариантном значении предикативного творительного падежа вообще, субстантивного и адъективного, применительно ко всем языкам, знающим данное падежное противопоставление в интересующей нас позиции. Какими бы тонкими и частными ни были детали по отдельным слав. языкам, можно все же в отношении всех их высказать следующее высокое обобщение: Твор. пад., являясь сильным, маркированным членом корреляции, четко передает сематнику актуальной манифестации предикативного признака. А им. пад. просто устанавливает наличие данного синтаксического отношения сказуемого к подлежащему безотносительно к актуальной манифестации. Более подробно постановка того или другого падежа зависит также от морфологической природы самой связки, как и от только что отмеченной частеречной характеристики предикативного имени (синт. существительное :: синт. прилагательное). При р. *являться*, б.-р. *з'являюцца* обязателен твор. пад., а при эксплицитной презенсной связке *єсть* в р. — им. пад.; б.-р. *єць* допускает и твор. пад.; у. *є* имеет себе большей частью твор. пад., в п. явно преобладает при выраженных формах *jestem, jesteś, jest...* субстантивный твор. пад.; напротив, в с.-х. твор. пад. при презенсной связке *jesam/sam, jesi/si...* оказывается необычным, поскольку его функциональная сфера охватывает прежде всего позицию при полусвязочных глаголах. Форма будущего времени или повелительного наклонения связки *быть* также вообще повсеместно скорее благоприятствует постановке твор. падежа.

Примеры творительного падежа: р. *Он является лучшим исполнителем сонат Бетховена; Всё это было правдой; Встреча старых друзей была совершенной случайностью;* у. *А може, оті чутки (...) є чистою правдою?*

(Стель.); *Майор був педантичною людиною*; б.-р. *Яна з'яўляецца для мяне дарам літасцівага лёсу („судьбы“)*; Ты кім быў да вайны?; Мой брат будзе шафёрам.

П. *Jesteś wielkim architektem!; Bezrobocie jest nieszczęściem; Wróbel jest ptakiem; Zwierkowski był zręcznym dyplomatą*; слц. *Členmi organizácie sú aj žiaci našej triedy; Janko je kuchárom; Hlavným rečníkom bude Mária Veselá*; ч. *Dřívě byl krejčím, teď je funkcionářem; Budeme vždy dobrými přáteli*; в.-л. *We tačanšcinje a především w matematice bě wón z mištrom* (твор. пад. в луж. всегда с предлогом); *Nětko sym ja tam z knjezom*; н.-л. *Dłujke lětžasetki běšo Bojt z wucabnikom Żylowskeje gmejny; Mjertyn Fabricius, kenž běšo tam z fararjom*.

С.-х. *Tamo je bio poslom redakcije; Da sam tobom, drugačije bih radio*. (Случаи вроде: *Postao je poznatim u čitavom kraju, Bio je imenovan sucem* сюда уже не входят.)

88 Примеры именительного падежа (в том числе и прилагательных): р. *Ломоносов был всесторонний ученый; Мой новый знакомый был француз из Лиона; Зимы здесь бывают очень холодные*; у. *Йона* (= собств. имя) *був зовсім темний чоловік; А море буває ще ширше; Він був перший*; б.-р. *Мой старшы сын быў архітэктар; Алег быў самы вёрткі і нецярплівы*.

П. *Noc jest przeczudna; Był on prostak; Była to przestroga*; в.-л. *Mój nan bě Čech; Hory su módre; Běše sej tu nadobo cuzu*; н.-л. *Słowakski lud jo nam wjelgin bliski; Gołkojce běchu tencas hyšci cysto serbska wjas; Lipa jo serbski bot*; слц. *Husle sú hudobný nástroj; Miško bol v pretekoch prvý; Vy ste právnik?; ч. Petr je výborný překladatel; Jeho matka bývala vždy skromná a usměvavá; Budeme dobří přátelé*.

Слц. *Obed je bil dober; Moja mati je kmetica; Ta ženska je pravi medved; с.-х. Dan je bio mišan; Pas je domaća životinja; Brat će biti pevač*. Сюда же входит общая форма в двух других юж.-слав. языках: м. *Яс сум, другари, тука сосема решителен; Тетка Фаника беше првиот библиотекар по ослободувањето*; б. *Аз съм от двадесет и пет години учител тука; Дъб е древо; На Ванко времето беше съвсем късо*.

89 Особой оговорки заслуживает еще форма предикативного существительного на славянском севере при нулевой поверхностной связке, в коммуникатах-лозунгах, надписях и конденсированных сообщениях. Нормально здесь всегда выступает им. пад., типа р. *Каждый трудящийся — хозяин на своем рабочем месте!*; у. *Дружба народів — джерело сили Радянського Союзу*; слц. *Dobrá kniha — nejlepší přítel člověka*. Однако в ч. и п. здесь появляется также и твор. пад.: *Dobrá kniha — nejlepším přítelem člověka; Odbudowa Warszawy — dziełem pokoju*. В вост.-слав. языках ноль связки + предикативный субстантивный твор. пад. встречается изредка в иных коммуникативных типах; это (а) контрастность, напр., р. *Дружба дружбой, а политика политикой*; у. *Критика критикою, а тон тоном*; б.-р. *Але розмовы — розмовами, а нікога строга яшче не спыталі*; данный микротип имеет изоглоссу в п.: *Przyjaźń przyjaźnią, a obowiązek obowiązkiem*; (б) предикативно-детерминирующая роль самого имени или, по крайней мере, сбли-

жение с ней, в схеме: „кто-либо (работает) (где-то) в качестве кого-то“; типичны подобные образования особенно для б.-р., даже при имплицитном локализаторе „где-то“; ср. р. *Давно ты здесь рыбаком?; Наташа бригадиром в колхозе; б.-р. Настаугнікам я тут; У нас жа магазынчыцаю Аўдотка; Ён — старшым конюхам; I дуб табе — братам, i хвойка — сястрой, i цёткай;* (в) застывшие единичные случаи, лексикализованные, вроде р. *Виною всему красная шапочка;* п. *Bóg świadkiem, że...*

90 На предцирование качественного признака посредством присвязочного существительного может наслаиваться косвенное выражение посессивности, принадлежности. Оно получает свое выражение в беспредложном дативном партиципанте; напр., р. *Я его любил, ведь он друг был мне;* у. *Будь мені зятем;* б.-р. *Яна мне дачка;* слц. *Bol mi lhé roku kamarátom;* ч. *Budeš mi tlumočnikem;* наибольшее распространение данный тип получил на слав. юге: слн. *Kdo ti je bil oče, kdo ti je bila mati?;* с.-х. *On je onom detetu ujak;* м. *Ти ми си сопруга; Та той ми е татко;* б. *Той ми е добър познат.* Несколько иную семантику передают уже структуры, в которых дат. пад. является детерминантом одного лишь подлежащего: с.-х. *Kao da ti je tijelo raskvašena vreća sementa;* м. *Жена ти е трудна („беременная“) веќе осум месеци;* б. *Лицето му беше жълто като восък.* Происходит соприкосновение со структурами, передающими семантику семи посиденции (см. § 55—58).

(2) Взаимодействие краткой и полной форм предикативных прилагательных

91 Перед нами второй важный, общий дифференциальный критерий между отдельными слав. языками. Он основывается на морфологическом уровне, т. е. на степени системной интегрированности или периферийности кратких форм, на способности их образования. В общем дело обстоит так, что по всему славянскому югу краткие формы играют предельно превалирующую роль, употребляясь по возможности всегда (ср. Petr 1983).⁴⁰ Примеры:

слн. *Kruh je črn (star, suh, trd); Dan je bil soparen; Dete je zaspano; Oblak nad poljet je teman;* с.-х. *Dan je bio lep, sunce toplo, vazduh čist; Sit sam hleba, no sam žedan vina; Kuća je tiha;* м. *Нежен е, блед во лицето, мазен и убав; Повеќе е син отколку сив; Жеден сум;* б. *Той беше толкова близък; Дунавът беше тих и спокоен; Тази вечер Витоша в тъй загадъчна и нежна.*

Употребление полной, „определенной“ формы здесь обусловлено только морфологическим фактором, вроде с.-х. *Tvoj brat je mali, a ti si već veliki.*

⁴⁰ Идентификация краткой формы в письменном тексте затрагивает прежде всего ед. число муж. рода.

92 На слав. севере краткие формы почти целиком вышли из употребления в обоих луж. языках. Крайне ограниченный диапазон в положении при чистой связке они выказывают в ч. и слц. Так, в ч. выступают особенно следующие прилагательные: *rád, hoden, laskav, vinen, dlužen, hotov, jist, zvědav, zdráv, pamětliv, šťasten, schopen* и некот. др., ср. *Jsem si tím jist; Jsem na to velmi zvědav; Buďte zdraví!* В слц. этих лексических единиц еще меньше, особенно: *rád, hoden, vinen, dlžen*, ср. *Som rád, že ste prišli; Bola mi dlžna sto korún.* В п. частотность предикативных кратких форм небольшая (их формальное отличие охватывает, собственно, лишь муж. род ед. числа), напоминая положение вещей в ч.: *rad, godzien, łaskaw, ciekaw, gotów, zdrow, pewien, winien, powinien, syt, świadom* и некот. др., ср. *Byłem gotów na wszystko; Ciekaw jestem twojej odpowiedzi; Ten kunszt piękny godzien był widzenia.*

93 На вост.-слав. территории краткие формы меньше всего употребляются в у., ситуация напоминает здесь п. и ч., ср. весьма ограниченный репертуар прилагательных в обиходно-разговорной речи, особенно *варт, винен, повинен, годен, згоден, готов, ладен, ласкав, повен, ясен, красен, дрибен.* В книжных стилях эти формы встречаются еще реже, а с другой стороны, в народной словесности — чаще. Притом внешняя оболочка выделяет опять-таки только ед. ч. муж. рода. Напр., *Він мені винен сто карбованців; Рот повен; Здоров був, товаришу!; Я певен, що...* Заметно больший диапазон и функциональную нагруженность обнаруживают краткие формы в б.-р. Правда, их постановка тоже связана прежде всего с довольно узкой лексикализованной сферой (*варт, винават, відзён, волен, годзен, жадзён, задоволен, згодзен, здолен, знаём, надобен, патрэбен, повен, праў, чуцён* — почти все они, пожалуй, допускают также и полную предикативную форму), однако и за ее пределами они могут свободно появляться, напр., *Ты быў нам дораг і любі; Ён яшчэ молад і дуж; Працавіт і вялік беларускі народ.* Прилагательные, краткая форма которых односложная (в муж. роде), выступают в сказуемом предпочтительнее в полной форме: *варты, рады* (ср. и у. *радий*), *мілы, правы* и некот. др.

Наибольшая устойчивость при диахронном обзоре, с древних времен и по настоящее время, свойственна присвяточным кратким формам в русском языке. В нем уже ни о какой тесной, прямой лексической связанности нет и речи. Они играют значительную роль. Будучи специфицированы для предикативной функции, они как будто усиливают интенсивность самой предикативной квалификации. Их инвариант: предикативное субъекту ярко выраженного состояния — либо временно обусловленного, либо вневременного, постоянного. Ср. *Результаты были глубоко содержательны; Я был так счастлив в тот момент!; Этот возраст удивительно постоянен; Рассказ лаконичен; Недолги летние ночи.* Напротив, полная форма сигнализирует простое наличие субъекта с предикатируемым качественным признаком, причем либо в смысле одного только отнесения к некоторому разряду качеств (им. пад.), или в смысле его актуальной

манифестации (твор. пад.). Следовательно, получается триада типа: *Ночь была темна/темная/темной; Мой приятель был остроумен/остроумный/остроумным.*

Облигаторность краткой :: полной формы диктуется в р. иногда морфологическим планом (ср. *нужен, должен, рад, горазд... :: здешний, капиталистический, деревянный...*), лексико-семантической разрозненностью обеих форм (*гол „совсем без средств“ :: голый „нагой“, и др.*) и фразеологически (*Вопрос ясен, Совесть моя чиста :: Пора горячая, Рука у него легкая*). В других случаях влияние оказывают еще словопорядок (*Красивы горы зимой, Чуден Днепр при тихой погоде*), грамматический характер субъекта (*Всё было удачно, не *удачное*) и стилистическая значимость (краткие формы носят подчас книжный характер).

Перевес кратких форм в р. сравнительно с у. и б.-р. может быть проиллюстрирован еще следующими примерами: р. *Эти сапоги мне (слишком) велики* — б.-р. *Гэтыя боты мне завялікія*; р. *Он обязан прийти* — б.-р. *Ён абавязан/абавязаны прыйсці*; р. *Он зол на меня* — у. *Vin zлий на мене.*

(3) Другие способы выражения именного компонента

94 В этой функции могут выступать прилагательные в сравнительной или превосходной степени. Их формальное отличие по отдельным языкам предопределяется соответственной морфологической системой. Если речь идет об изменяемых формах, то выбор им./твор. падежа подчиняется таким же закономерностям, что и в положительной степени. А при аналитических образованиях типа р. *более, наиболее надежен/надежный/надежным* вторая составная часть тяготеет к краткой форме. Имеются случаи лексико-семантического расхождения сложной и простой форм, ср. р. *Его интересы более мелки :: Эта речка мельче*. Выбранные иллюстративные примеры:

б. *Езикът на писателя е по-богат, по-точен и колоритен*; м. *Петре е подобар од сите вас*; с.-х. *Ona je bila najvrednija; Rod je lani bio obilan, ove godine je još obilniji*; слн. *France je bil mlajši; Ta stvar mi je bolj tuja*; ч. *Takové chvíle jsou vždy nejprůjemnější; Jejich úkol bude lehčí*; слц. *Oproti ostatným je nadanejší; A čo nám je bližším, prístupnejším a domácejším nad prirodzenú nám reč našu!* (Štúr); в.-л. *Twój nastawek je najrjeńši; Horśc drustwownikow-ratarjow je wo wjele sylniša dyžli jednotlivc*; п. *W dzieciństwie to jest chyba najważniejszym; Nasza robota będzie cięższa*; у. *Вона нам за все найдорожча, найкраща за все у житті; А море буває ще ширше*; б.-р. *Першыя крокі заусёды самыя цяжкія; Вось я і то за цябе храбрэй; Мы нацнейшыя*; р. *Краснов был умней и богаче Белявского; Подобный прием наиболее надежен.*

95 Позицию именной части всюду свободно занимают другие морфологические части речи в роли синтаксических прилагательных: р. *Эта работа была моя*; у. *Вагон був н'ятим*; в.-л. *Naša chéža je prénja napravo*; слн. *Čigav je ta kraj?* Подобно в других языках.

Качественный признак получает иногда своим десигнатором не прилагательное, а аналитическое оформление посредством сочетания существительного с прилагательным. Речь идет о повсеместно представленном типе вроде: р. *Собака — умное животное*; *Таня — милостивая девушка*; *Охотники — народ неразборчивый*; п. *Jesteście oboje złymi ludźmi*; ч. *Je zbabelý člověk (zbabelec)*.

Если именной компонент выражен сравнительным оборотом (союзом + именем), то в противопоставлении предикативного им. :: твор. падежей его форма тяготеет к им. пад.; выбранная иллюстрация: ч. *Byl už jako pára nad hrncem*; слц. *Si ako malý chlapček*; п. *Kraj był niby ogród*; в.-л. *Naš Jank je kaž wjewjerčka*; у. *Колгоспні ниви — наче океан*; б.-р. *Матчына любой — што крыніца*; р. *В ту минуту он был словно мальчишка*. В этой связи ср. микротип с лексически идентичным субъектом и ядром предиката: р. *Обед был как обед „был нормальный, обычный“*; б.-р. *У людзей дзеці як дзеці, а мае разляцеліся на белым свеце*.

96 Значительную роль при предикативности качественного признака играет беспредложный род. пад. существительного обычно с атрибутом. Широкое распространение он получил на слав. юге, прежде всего в слн., будучи системно связанным с иными близкими функциями этого же падежа (чисто атрибутивной или сопутствующего обстоятельства, ср. с.-х. *Stoješe otvorenih usta* „он стоял с раскрытым ртом“).

Примеры: с.-х. *Braća su mi roda junačkoga*; *Ne pita se kakve je ko vere nego je naravi i vladanja*; *Bio je visok, vitak, gipkih pokreta*; слн. *Gostje so bili dobre volje*; *Mož je nagle jeze*; *Mati je bila dobrih rok*; *Bili smo zelo različnih pogledov*; *Bili so gladkega vedenja*; *Obraza je bila bledega*; *Očij pa je bila temnorujavih*; *Ozdravel sem, dasi sem bil še opotekavih nog*. Даже в аналитических м. и б. имеется параллель данного типа, ср. б. *момче беше на дванадесет години*; *Авторът е на мнение, че...*

На слав. севере центр тяжести подобного рода конструкций находится в у.: *Він був слушного росту (хорошої вдачі, сурового серця, високої думки про щось, років десять)*; *І мати твоя і бабуся твоя були чесного роду*; *Коні друзів вороної масти*. В слц. данный десигнатор тоже встречается нередко, чаще, чем в ч.; ср. слц. *Vtedy som už bol celkom zlej vôle* (отчасти фразеол.); *Sukňa bola zelenej farby*; *Rožok bol sladkastej chuti*; *Sme toho istého náhľadu*; ч. *Byl vyšší postavu, středních let*; *Je příjemného zevnějšku*; *Jsmе téhož názoru*.

Несколько меньшая встречаемость данного синтаксического средства наблюдается в п.: *Była w istocie niezwykłej piękności*; *Sprawa jest wielkiej wagi*; *Jestem tej samej opinie*; *On był wielkiego wzrostu*. Неширока его функциональная способность в двух других вост.-слав. языках: р. *Мужчина этот был*

высокого роста (средних лет, приятной наружности, мягкого характера); Какою глубины озеро? (соприкосновение с предципированием количества); б.-р. *Жанчына была ужго немаладога ўзросту; Ён честнага характару; А у гаркоме, між іншым, інакшай думкі* (Сав.). В известной мере беспредложный род. пад. свойствен луж. языкам: в.-л. *Wón je swojeje hłowy* (фразеол., „упрямый“); *Wón je hižo tri dny hubjeneje mysle; Běch mēnjenja, zo...; Muž bě hólčaceje staroby* (нем. Jünglingsalter); *Juro bě maleje a šěrokeje postawy*; н.-л. *Ale weto běch dobreje myśli; Až běchu tam (...) wšakorakego mēnjenja, wižech z pšašanjow, kotarež mě stajachu* (Witk.).

Иную семантику, а именно притяжательную, обслуживает тот же падеж в случаях следующего типа: ч. *Ta chata je pana Kováře*; слц. *Tie knihy boli pána docenta*; с.-х. *Livada je lepe Mare*; слц. *Ti spisi so Ivana Cankarja* (с семантикой авторства); у. *Ця садиба була Толстого*; р. *Вот эта шляпа моя, а та — моей мамы* (к ограниченности подобных построений с имплицитной связкой ср. Zimek 1974, с. 117; вместо *Этот зонтик — моего брата* чаще слышится *Этот зонтик принадлежит моему брату*). Если это позволяет морфологическая система и сам характер именной части, могут употребляться притяжательные прилагательные: ч. *Zahrada je moje, ale dům je strýcív*; р. *Вон та шляпа — мамина*; б.-р. *Дом — матчын*; слн. *Ta kožuh je dedov*. Подобным образом обстоит дело в других языках.⁴¹

97 Из числа присвязочных падежей с предлогами обращает на себя внимание прежде всего сочетание *за* + вин. пад. Правда, чисто предикативная природа его переходит нередко в синтаксическую роль предикативно-определятельную (и все высказывание будет уже двухбазовым); ср. ч. *Byl za svědka = Byl svědkem*; но: *Byl tam za svědka = Byl tam + Byl svědkem*. Вообще данный падеж с предлогом функционально превалирует в роли предикативного определителя, так же и при иных, ползузнаменательных и полнознаменательных, глаголах; напр., р. *Эту посылку он принимает (считает) за основу своей гипотезы*; ч. *Zvolili ho za předsedu/předsedu*; слц. *Vyučil sa za kováča*. Былая семантика замещения может проступать до сих пор, напр., у. *Він був за вчителя* (в отличие от: *Він був вчителем* „подлинным учителем, а не заместителем“).

В северном ареале слав. языков наибольшее число примеров предоставляет именно у.: *Він був за свідка; Хто серед вас за старшого?; Хай чабан за отамана буде!; Дідійому був за товариша; Він був у мене за головного помічника*. Изю всех остальных языков аналогичный оборот при глаголе *esse* отмечен единично; ср. б.-р. *Яна ў мяне за гаспадыню; Мой брат тут за галоўнага кіна механіка*; р. *Кто тут у вас за старшого?; ч. Byl jsem tu za svědka*; слц. *Vol nám za sprievodcu*; в.-л. *Wón je za kapłana; Jan bě za wotročka*; п. *On byl za lokaja*.

⁴¹ Интересна контаминация того и другого приема в луж., ср. в.-л. *Kotra chěža je twojeho panowa?* (см. Löttsch 1968, с. 27).

98 Далее заслуживает внимания микротип с предлогом *в* + мест. падеж множ. числа существительного, и его формально-семантический коррелят *из* + род. падеж прилагательного или существительного в форме множ. числа в присвязочной позиции. Обозначается отнесенность или принадлежность к разряду людей некоторого качества (во втором случае, буквально, как будто „изъятие“ из данного разряда). Характерны подобные конструкции прежде всего для вост.-слав. языков. Примеры:

(а) р. *Вы здесь в гостях; Он теперь уже в генералах; у. Він був 10 років у солдатах; Вона була в пана в куховарках;* б.-р. *Сын — у камсамольцах; Твой жа Кандрат у начальніках;* (б) р. *Она из скромных; Задача была не из легких; Я из репрессированных;* у. *Він був з селян (з робітників); Не з положливих був учитель;* б.-р. *Уласнік гэтага двара з ваенных; Іра — аксама з парашутистаў; Не з князёў я.* Довольно часто предложения бывают частноотрицательными.

99 Широко по всей слав. территории репертуар построений, в которых при связке выступает любой иной падеж с предлогом (единично — и без предлога), а вся семантика их передает качественную характеристику манифестанса, ср. р. *Он был в восторге, Костюм был с иголки.* Нередко происходит соприкосновение и взаимопереплетение с формально аналогичными построениями, выражающими, однако, не качественный признак, а местонахождение, экзистенцию субъекта-манифестанса в тех или других обстоятельствах, ср. р. *Он был в своем кабинете, Эта электробритва — из Киева, Мы были на выставке.* Поэтому о них речь идет выше, § 70 сл. Иногда здесь чувствуется эллипсис, пропуск полнозначительного глагола, ср. *Вы из Парижа?* „вы прибыли, приходите из Парижа?“ Взаимопереходы между обоими семантическими полюсами — качеством и локализацией — бывают совершенно постепенными, размытыми. Способность разных косвенных падежей предикативно сочетаться с глаголом *esse* при передаче качественного признака — индивидуальное дело каждого отдельного славянского языка. Сколько-нибудь подробное описание этих явлений потребовало бы предварительного углубленного исследования (применительно к р. см. Mrázek 1970 (b)). Многие образования, особенно с отрицанием, носят фразеологический характер (ср. *Костюм был с иголки, Он был не в духе, не в своей тарелке*). Необходимо ограничиться лишь небольшой иллюстрацией:

р. *Эта задача мне под силу; Наш молодец в кручине и печали; Вы будете в ответе за всё; Она была на седьмом небе; Письмо было родителям;* у. *Він був під чаркою „в хмелю“; Пляшка була з-під молока; Перша режисерська проба теж була в цьому жанрі;* б.-р. *Ён у захапленні; Мне зараз больш да спадобы ваша прысутнасць; Косяц сапраўды пры вялікіх грашах; Трава на калені;* п. *Dom był z czerwonej cegły; Wszystko było przeciw zakona; On z Warszawy; To*

*mi na rēke; в.-л. Tysy w njeprawdže;*⁴² н.-л. *Togodla jo take wuzwolowanje a wuběranje k zanicowanju (Witk.);* слц. *Bol v napätí, ako to dopadne; Táto nádoba je od oharkov; Na príčine budú jeho vynikajúce pracovné výsledky (Jar.);* ч. *Jsem na rozpacích; Byl pod obraz „очень пьян“; Takový názor je k smíchu;* слн. *Vsem je bil v napoto; Bili so brez skrbi; Pot čez Javornik mi je bila v muko;* с. х. *Ovo je tebi; Sve je u redu; Budite bez brige; Jesmo protiv rata;* м. *Биди си без грижа; Тревата му беше по колена; Ние сме против войната; б. Ние смо против война; Той беше в съмнение.*

Примечание. При постановке падежа с предлогом *без*, с, *pri* имеет место сближение с семантикой владения, обладания; ср. р. *Он был без забот* — „у него не было забот“ // „он был беззаботный“; в.-л. *Doma béch bez starosćow;* ч. *Vudou bez šancí* „у них не будет шансов“; б.-р. *Їн пры вялікіх грашах* „у него есть много денег“; б. *Момичето беше с отрязани коси* „У девушки были остриженные волосы“; *Живко беше с тясно сипаничаво лице, с остра руса коса и силно кестеняви очи* (Чак.). Для б. это типичный оборот.

100 Наконец, присвязочную позицию могут занимать, выполняя функцию предцирования качества в широком смысле, еще: (а) наречия и прочие адвербиализованные выражения, (б) единично также и междометия, фразеологические сочетания или даже целые придаточные части; однако такие случаи вряд ли представляют элементарные, исходные конструкции — логичнее было бы относить их к производным (в раздел „Субституция компонентом предложения“).⁴³ Несколько примеров, сначала по рубрике (а) из сев.-слав. языков:

р. *Мои слова ему были невдомек; Они были навеселе; Дверь была настезь; Это было кстати;* у. *Все было гаразд; Це буде навсправжки;* б.-р. *Ніна была ўжо замужам; Дзверы были насцеж;* п. *Tak (to) będzie lepiej; Wszystko było naopak; To jest źle;* в.-л. *Kowar bě spokojom; Džěčo je změrom; Snano je to cyle njetrjebawši* (адвербиализованное деепричастие); слц. *Všetko bolo inakšie; Takto je to dobre;* ч. *To je dobře; Vše bylo jinak.* Соответственные аналогии имеются, естественно, также в юж.-слав. языках.

Минимальная экземплификация по рубрике (б) из р. и ч.: р. *Нет, вы, господа, ой-ой-ой* (Тургенев); *Ведь предмет просто — фу!* *Володя был хоть куда; Комната — хоть шаром покати; Он был перекаати-поле;* ч. *On je do všeho hrr; Byli jsme z toho paf; Franta byl jak za groš kudla; To je prašť jako uhoď; Jenda byl jako když ho vutěněl.* Ср. к этому Zimek 1974, с. 118—119.

101 В заключение всего раздела о предцировании качественного признака необходимо добавить еще одно важное примечание. Оно касается присвязочного употребления причастий и деепричастий. Эти

⁴² Интересны обороты типа *Tón je z nizka (z horda, z wulka, z čicha)*, представляющие перифразы прилагательного и наречия в предикативной роли (Liebsch 1984, с. 23). Ср. также Fasske-Michaik 1977, с. 343, 344 (уже слитное написание *zhorda, zwulka, scicha*..).

⁴³ Сказанное выше об употреблении косвенных падежей с предлогами относится и к наречным приглагольным десигнаторам: переходы в сферу предцирования экзистенции, эллипсис знаменательного глагола, индивидуальность по отдельным языкам и нередкая фразеологизированность.

глагольные формы, прежде всего страдательные причастия, получили в слав. языках широкое распространение, часто выражая качественный предикативный признак: из некоторого совершившегося действия вытекает результативное состояние, т. е. качество в широком смысле; ср. р. *Белье уже выстирано; Я влюблен в нее; Бинокль испорченный*. Между семантикой действия (напр., *Этот музей был открыт в 1973 г.*) и состояния-качества (*Сегодня музей открыт*) существует диалектическая связь. Однако к исходным структурам подобные случаи „окачествленного действия“ опять причислить нельзя, поскольку они представляют продукт вторичной деривации из построений с чисто процессуальным предикатом. В наших примерах намечаются следующие взаимосвязи: *Кто-то уже выстирал белье; Я влюбился в нее; Бинокль испортился* (спонтанное действие) // *Бинокль испортили* (вмешательство кого-то). Подобным образом, напр., при употреблении действ. причастий на — I, ср. ч.: *Kytice je zvadlá* (качество) ← *Vstupenky již propadly*; б.-р. *Яна была расчырванелая ад марозу* ← *Яна расчырванела ад марозу*. Следовательно, как исходные образования можно расценивать лишь такие, которые содержат целиком адъективированные причастия, вроде р. *Морозный воздух опьяняющий; Молоко было сушеное*; ч. *Jídlo bylo vunikající; Jeho humor je opravdu okouzlující*; в.-л. *Tutón podawk bě za mnje rozsudzacy; Tajke džěto je za njeho ponižace*; ⁴⁴ б. *В личности и делото на Пайсий всичко е вълнуващо*; слн. *Tisto poletje je bilo mesto posebno opustelo*.

Относимые нами к неядерным, конструкции с причастием страдательного залота больше всего характеризуют м., ср. конструкции данного следующего рода: *Игор веке беше занимат* „ушел, был ушедший“); *Тая е дождена за друго* „она пришла за другим делом“; *Татко му уште не е вратен от интернация; Лицето веке не и беше насмевано*. Они перекликаются с нелитер. стилизациями типа ч. *On už byl vstatý, Je odejitý, Kamna jsou vyhasnutý* (литер. *vyhaslá*), далее со встречающимися там и сям также и в других языках и их говорах высказываниями, особенно с б.-р. и сев.-рус. диалектными построениями, синтаксическую позицию предиката которых заменяет деепричастие действ. залога прош. вр.: б.-р. *Цяпер яны прыехаўшы ў Лугвенева; Ён быў у адной сарочцы, толькі ўстаўшы з пасцелі*; р. *Он был уже выпивши*; р. нелит. *Мы еще не поемши; Она была ушодши*.

5. ПРЕДИЦИРУЕТСЯ КОЛИЧЕСТВО

102 Эффициентом (в частности: манифестансом) предиктируемого признака выступает здесь часто не одна только субстанция, а прежде всего множество субстанций. Притом эта множественность оказывается консти-

⁴⁴ Причастия действ. залога наст. вр. в луж. играют в сказуемом немаловажную роль, передавая иногда даже процессуальную коннотацию ср. в.-л. *Dokelž myslach, zo docyta njeprjndžeš, sym runje ducy domoj* (Win.-Wj.) н.-л. *Ten měšk (...) jo lažecy tam za blidom* (Šwj.).

тутивно заданной. Применительно к соответствующим конструкциям можно говорить о количественном предикате. В существующей научной литературе этим конструкциям уделялось до сих пор мало внимания, хотя они в сравнительном славянском размере выявляют весьма важные, структурно-строевые дифференциальные параметры. В другом месте нами была затронута проблематика количественного предиката на материале русском и чешском (Мразек 1973), а затем и сравнительно-славянском (Mrázek 1978).

Десигнатором количественного предиката бывает чаще всего финитная форма глагола *быть* + квантификатор (напр., р. *Методов три, Работы будет много, Мыслей была полна голова*), кроме того, однако, также и автосемантический глагол (напр., р. *Воды прибавилось, хватает*). Носитель количественно характеризующего признака, выступающий в форме им./род. пад., с полным правом может оцениваться как грамматическое подлежащее. Следовательно, данные конструкции являются двусоставными.

Правда, чисто позиционно-синтаксическая природа отдельных компонентов предложения стоит здесь в тесном взаимодействии с актуальным членением. Типичным для предикирования некоторого количества оказывается вынесение подлежащего на первое место (тематизация его) и постпозиция (в глубинной структуре — дистантная) квантификатора (рематизация его); ср. р. *Работы (было) много, Возможностей будет три*. Напротив, иной семантико-синтаксический характер носят уже построения вроде: *Было много работы, Будут три возможности*, с отличным словопорядком и с когерентным соседством атрибутивного квантификатора + синтаксического существительного.

Помимо словопорядка иногда играет роль, разумеется, также и фразовое ударение и контекст. Принципиальное противопоставление предикативной и атрибутивной функций квантификатора может подвергаться нейтрализации. Она имеет место, например, в поверхностно безглагольных построениях типа р. *Много забот*, с двояким возможным смыслом: (1) „есть много забот“ (экзистенция квантифицированного подлежащего) и (2) „много есть забот“ (квантитативное предикирование, с антепозицией рематизированного компонента *много*). Кроме того случается, что иногда в том или ином слав. языке определенные типы количественного предикирования менее обычны, а предпочтительно используются именно указанные построения с экзистенциальным предикатом при атрибутивно квантифицированном подлежащем (т. е. типа р. *Было много работы*); об этом подробнее ниже.

103 Интерпретационное осложнение возникает в связи с наличием в предложении дополнительных партиципантов. Так, если в примере *Белых грибов в лесу много* перед нами предикирование количества, релятивизированное посредством локализатора *в лесу*, то в примере *Белых грибов*

у меня много напрашивается скорее семантика обладания, посиденции с глубинным смыслом „я имею много белых грибов“, с тематизацией *белых грибов* и с рематизацией квантификатора *много*; поэтому подобного рода примеры выходят за рамки настоящего раздела. Так же обстоит дело с исходными структурами вроде: р. *Ивану будет уже десять лет, Было восемь часов, Завтра будет десятое апреля*, где облигаторный счетно-атрибутивный оборот занимает позицию грамматического подлежащего в экзистенциальной предикативной структуре (§ 54, 77), не допуская притом никакой „деквантификации“.

Весьма интересны еще примеры типа ч. (1) *Stůl je dlouhý 2 metry*, (2) *Kružnice má poloměr 8 cm*. Их эквиваленты по отдельным слав. языкам оказываются неодинаковыми. Так, в р. будет (3) *Длина стола 2 м* // (4) *Стол имеет длину 2 м* // (5) *Стол 2 м в длину*, при недопустимом **Стол длинен 2 м*. В ч. примере (1) и в его иноязычных, формально тождественных аналогах перед нами предикативное квантифицированное качество. А в примерах (2) и (4) перед нами предикативное квантифицированное обладание. Так что только пример (3) уместается в сферу подлинного количественного предиката. Все подобные построения нуждаются в дальнейшем углубленном исследовании на конкретном слав. материале, нами они в настоящей книге подробно не освещаются.

104 Если посмотреть на всю ситуацию примарно с референтного, денотативно-семантического угла зрения, то обнаруживается, что существует разница между предикативным количеством субстанциям, поддающимся счету (а) и не поддающимся счету (б). Первый класс (а) характеризуется следующими чертами: Количество может быть указано или одним только именем числительным (ср. р. *Подобных случаев четыре*), или, между прочим, также и прилагательным (ср. р. *Подобные случаи немногочисленны, редки, единичны*). Подлежащее при счете *два* и выше получает форму множ. или двойств. числа („нумератива“).⁴⁵ Допустима перифраза типа *Чего-либо (было) большое, небольшое, малое, ничтожное число/количество*. Второй класс (б), с существительными, обозначающими вещество, пространственно-временные данные, отвлеченные понятия и т. п., имеет следующие параметры: *Одного числительного здесь недостаточно* (ср. р. *Вина один литр, четыре литра, полная бочка, Высота сейчас десять километров*). Употребление в позиции сказуемого имени прилагательного либо представляет исключение (ср. ч. *Voda je tam vzácná* „воды там очень мало“), либо означает уже переход в сферу качественного предиката (ср. р. *Температура значительно высокая, Давление было относительно низким* — с неконкретной, релятивизированной квантификацией). Подлежащее совершенно нормально получает форму ед. числа („партитива“), и встречается перифраза

⁴⁵ Однако в р. даже при счете *один*, под влиянием генерализирующей индукции вроде *Претендентов много, пять, двое...* можно встретить факультативное множ. ч.: *Претендентов на этот пост всего один*.

типа р. *Чего-либо большое, небольшое, ничтожное множество*. В дифференциальном межславянском размере бывает важен еще и сам предметный характер эффициента поддающихся счету субстанций: будут ли это имена персонические, означающие множество сплошь мужского рода (в дальнейшем: муж.) или смешанный коллектив (в дальнейшем: смеш.), или же имена животных и неодушевленных предметов. Вообще здесь наблюдается тесная взаимосвязь, комплементарность средств морфологических (формальная природа самих числительных, наличие т. наз. собирательных числительных и их потенциальная дистрибуция, наличие т. наз. персонически-мужских форм, категории двойственного числа и ее остатков), лексико-фразеологических (ср. р. *Денег хоть отбавляй*) и синтаксических (типы конструкций, оформленность подлежащего, глагола и именной части сказуемого).

105 Наиболее интересным и наиболее разрозненным в слав. языках является предиктивное совсем точного числа людей, посредством количественных и собирательных числительных, как и посредством нумерализованных существительных. Форма квантификатора зависит в большинстве языков от естественного рода считаемых лиц. Особенное внимание обращает на себя кое-где наличие т. наз. мужско-персонического рода (*genus virile*). С наибольшей последовательностью его формально различают, в противоположность коллективу лиц смешанного рода или только женского рода, п. и с.-х. Ср. п. *Jest nas dwóch, trzech, czterech // Jesteśmy dwaj, trzej, czterej* (в обоих случаях муж.) :: *Jest nas dwoje, troje, czworo* (смеш.) :: *Jesteśmy dwie, trzy, cztery* (жен.); ⁴⁶ с.-х. *Njih je dvoica, troica* (муж.) :: *Njih je dvoje, troje, četvoro, petoro*, (смеш.) :: *Njih je dve, tri* (жен.). Но мужско-персоническую форму знают также и слц., луж., м. и б., употребляя ее подчас, однако, одновременно и для смешанного коллектива лиц; ср. в.-л. *Běchu jich třo* (муж.) :: *Běchu jich tři* (смеш. или жен.).

106 Неодинаково положение вещей по поводу того, имеется или нет в том или другом языке формальный барьер между счетом 2—4 с одной стороны, и более высоким счетом с другой стороны. (При счете 1 повсюду нормально стоит им. пад. ед. ч. подлежащего и ед. ч. сказуемого, напр., р. *Выход здесь один*; ч. *Vstupenka je pouze jedna*; об исключении типа р. *Возможностей всего одна* упоминалось выше в сноске 45. Ярко выраженным оказывается этот формальный барьер только в ч.: *Jsmе dva (dvě), tři, čtyři* :: *Je nás pět, šest, deset*; *Výborní studenti byli dva, tři, čtyři* :: *Výborných studentů bylo pět, deset, dvacet*. С ситуацией в ч. сближается

⁴⁶ П. при указании количества лиц отличается сверх того еще и формальным типом с числовым существительным: *Jesteśmy (byliśmy, zg) w dwójkę, w trójkę, w piątke, w siódmkę, w dziesiątkę* (безотносительно к роду). Это имеет определенные аналогии и в других языках, однако уже, как правило, с указанием локализатора, ср. ч. *Byli jsme tam ve dvou, ve třech* (мало обычно), р. *Мы там были (жили) вдвоем, втроем, вчетвером...*

состояние в слн., однако при счете 2 здесь ставится форма двойств. числа, до сих пор живой категории; ср. слн. *Onadva sta dva, nas je pet; Vas je deset, mi smo pak trije* (муж. или смеш.); *Trije* (муж. или смеш.), *štiri* (меж.) *smo; Pet, deset nas je // Nas je pet, deset.*

Напротив, в остальных языках отмеченный предел (2, 3, 4 :: 5, 6, 7...) более или менее размыт, а то и отменен. Примеры этого явления: слц. *Sme (boli sme, sú, boli) dvaja, traja, piati, desiati, tridsiati* (муж.); *Sme (boli sme) dve, tri, štiri* (жен.) :: *Bolo nás päť, devätnásť, sto* (жен. или смеш.); в.-л. *Smój dwaj* (муж.), *dwě* (жен.); *My smy (byli) hižo tŕo, štyrjo, džesačo* (муж.); *My smy hižo tři, pječ, džesač* (жен. или смеш.) // *Je nas pječ, džesač, třiceci; Woni su sto, dwě scě // Je jich sto, dwě scě*; в народной речи бытуют прежде всего построения с формой множ. ч. глагола, т. е. *Smy pječó, Smy třiceci, Smy dwě scě*, перекликающиеся с ситуацией в м. и б. (см. Šewc 1976, с. 55); ⁴⁷ подобным образом обстоит дело в н.-л.: *My smy (byli) tso, styrjo, žasešo; My smy tsi :: Nas jo było žaseš; Běchmy tencas 30 žěši*; п. *Jest ich dwoje, troje, pięcioro, ośmioro* (смеш.); *Jest ich dwóch, trzech, czterech, pięciu* (муж.) // *Sq dwaj, trzej, czterej* — но выше этим способом нельзя; с.-х. *Nas je (// Smo) dvoica, troica, četvorica* (муж.); *Nas je tri* (жен.), *pet, deset* (безразлично к роду); *Njih je dve, tri, pet* (жен.) :: *Dve, tri si.*

Указанный барьер полностью отменен прежде всего во всех вост.-слав. языках, где универсальное распространение получила форма род. над. мн. ч. („нумератива“) имени в подлежащем, и форма сред. рода ед. ч. глагола безотносительно к мере счета: р. *Их (было) двое, трое* (муж. или смеш.), *три* (жен.), *пятеро* (муж. или смеш.), *пять, двадцать*; у. *Нас двое, четверо, п'ятеро, двадцатеро* (муж. или смеш.); ⁴⁸ *Нас було дві, чотири, дев'ять* (жен.); б.-р. *Их было трое, чацвѣра, сямѣра* (муж. или смеш.); *Их (было) тры, чатыры, дзєсяць* (жен.).

107 В аналитических м. и б. относительно формальной унификации безразлично к мере счета дело обстоит подобным образом; однако *esse* имеет сплошь форму множ. ч., а название субстанций выступает, естественно, в исходной, общей форме. Примеры: м. *Ние сме двајца, тројца, четворица, петмина, десетмина, дваесетмина // дваесет души, стомина // сто души* (везде муж. или смеш.); *Тие се две, три, четири, пет, десет, сто жени // сто души жени* (везде жен.); б. *Ние сме двама, трима, четирима // четири души, петима // пет души, шестима // шест души* (муж. или смеш.) — начиная с числа 6, форма на *-има* малоупотребительна; *Ние сме вече три, пет души жени*

⁴⁷ При мужско-персоническом квантификаторе на *-о* глагол стоит в форме множ. ч., в остальных случаях — в форме ед. ч.; ср. за пределами нашего еще: *Pječó mužojo su tam byli :: Pječ mužow je tam było*. См. Liebsch 1884, s. 50, Šewc 1968, s. 141.

⁴⁸ В у. диапазон применения собирательных числительных шире, нежели в р.; см. Івченко 1962, с. 324.

(жен.); *Бяхме четири души, десет души* (муж. или смеш.); *Седем души са „их семь“* (муж. или смеш.).⁴⁹

108 Количественное сказуемое, передающее совсем точное число других предметов, выказывает уже большее формальное единообразие, в остальном же конструкции остаются аналогичными предыдущим, с той оговоркой, что в общем ярче дает себя знать противопоставленность счета до 4 и от 5 выше. Достаточно ограничиться немногими иллюстративными примерами:

р. *Таких случаев два, четыре, десять*; б.-р. *Такіх випадкаў два, трыццаць*; у. *Методів (є) два, н'ять*; *Шляхів тут чотири*; п. *Takie wypadki są tylko dwa, cztery*; *Takich wypadków było sześć*; в.-л. *Tajkej padaj stej dwaj* (дв. ч.); *Tajke pady su tři*; *Tajkich padow je pjeć, dwaceći* н.-л. *Možnosći stej how dvě* (дв. ч.); слц. *Také případy sú (boli) dva, štyri*; *Takých prípadov je (bolo) päť, desať*; ч. *Vstupenky jsou dvě, tři*; *Vstupenek je pět, deset*; слн. *Vstopnici sta dve* (дв. ч.); *Vstopnici so tri, štiri*; *Vstopnic je (je bilo) pet, deset*. На остальной территории славянского юга наряду с глаголом *esse* здесь появляется также *habere*, причем дистантное наконечное местоположение (= рематизация) числительного не столь обычное: с.-х. *Takvih slučajeva ima tri, pet // Ime tri, pet takvih slučajeva*; *Ima sato dve karte*; м. *Билети има два, три // Билетите се (само) два, три*; б. *Има само два, четири, пет билети*; *Облаци има два* (Ваз.); *Бъзможностите тук са пет*.

109 Количество чего-либо (поддающегося и неподдающегося счету) весьма часто указывается лишь приблизительно. Квантификатор получает пестрое лексико-грамматическое оформление. Эффициент и глагольный компонент не вызывают, однако, ничего проблематичного относительно только что описанных явлений. Чаше в речи встречаются построения с квантифицирующими рематизированными неопределенными числительными типа р. *много, мало*. Укажем соответственные примеры в сфере употребления этих двух средств:

р. *Денег, горючего, помощников, нас (было) много, мало*; у. *Их було багато, мало*; б.-р. *Такіх випадкаў шмат (многа, багата), мала*; п. *Takich przypadków jest dużo, wiele, mało*; *Nas jest wielu* (муж.), *wiele* (смеш. или жен.); в.-л. *Tajkich padow je wjele (mnoho, tójšto), mało* (и также: *Tajke pady maš husto*); *Džěla je było jara wjele*; но также: *Smy wjele (mnoho, tójšto)* — в силу индукции оборотов *Je nas wjele (mnoho, tójšto)*; н.-л. *Žěla jo było wjelgin wjele*; *Pjenjez jo (jo było, bužo) mało*; слц. *Robotníkov, snehu bolo veľa, málo*; ч. *Práce, úkolů je mnoho*

⁴⁹ Прибавление к количественному десигнатору еще конкретизирующего имени существительного (подчас плеонастического) не представляет в слав. языках, особенно за рамками литературной нормы, ничего необычного. Кроме упомянутых *душа, жена* встречается главным образом еще употребление слов *человек, врат, сестра*; ср. из р. *Их было пять человек; Нас было восемь человек детей; Их было два брата (две сестры)*; из н.-л. *Běchmy tencas 30 zěši*.

(*моч, hodně*), *málo*; слн. *Denarja je veliko, malo; Snega je bilo veliko // Bilo je veliko snega*; с.-х. *Ima nas mnogo; Snega je malo* (чаще: *Malo je snega*); м. *Такви примери има многу, малку, повеќе; Жените ги има многу; Имаше многу снег* (необычно: *Снег имаше многу*); *Пари има малку // Малку се парите*; б. *Партизаните са така многу; Те бяха малко; Ще има много работа; Времето беше малко; А малица са, които могат да разбират това*.

Наряду с этим в предикате появляются многие другие средства, зачастую носящие идиоматический характер. Можно продемонстрировать прежде всего на р. и ч.: р. *Всего этого (было) пропасть, масса, гибель, уйма; Вырубленного места было всего с версту; Ну, жизни тебе до полна; Забот по горло; Времени в обрез; Соломы бльо, как будто насыпано; Горячих слов было хоть отбавляй; Таких писак (было) хоть пруд пруди; Денег — кот наплакал; Молока — залейся; У нас девчат хороших — табунами ходят*; ч. *Je jich přes tisíc, spousta, obrovské množství, značný počet, většina, bezpočtu; Zásob bylo tak na tři dny, tak do neděle; Něčeho je plný koš, jen trošičku, nad hlavu, jako hub po dešti; Je jich, že by s nimi mohl dláždít*.

Иллюстрация из других языков: б.-р. *Грошай было даволи; Спрау было на шью (на горла); А людзей — бясконца, ажно страх; Начальнікау у нас хутка будзе менш; у. Не менше було й захисних солдатських гімнастѳорок; Їх (було) понад сорок; Грошей було прірва, безліч, сила-силенна, тьма-тьмуца; п. Pieniędzy było zatrzęsienie, pełno; Zmartwień jest mnóstwo, fura, morze; Spraw było powyżej uszu; в.-л. Starosćow bě (je była) сѳа hromada (kopica); н.-л. Starosćow jo była kopica; Pjenjez běšo (wulka) hromada; слц. Bolo toho priveľa, ako máku, vyše hlavy; Divákov je plný štadión, okolo 50 000, obrovský počet; слн. Nas je bilo okrog sto; Sila jih je bilo; Bilo jih je na stotine; с.-х. A ima ih bezbroj; Koliko vas je // ima?; Bilo ih je u svetu oko sto porodica; Njih ima dve vrste; Poslala je preko glave; м. Колкумина се? // Колку души се?; Примери има повеќе; Секакви грижи има без брой; б. Тези трудещите се са огромното мнозинство; Ябълки тази година е помалко; Стадионът сигурно ще е пълен със зрители*.

110 Особого внимания заслуживают предложения, сообщающие о том, что количество чего-либо является достаточным или недостаточным. В позиции предикатора выступает не только глагол + именная часть (р. *Денег достаточно*), но и полнозначительный глагол (р. *Денег хватает*), так что предикаторная квантификация обретает процессуальный характер. Данные структуры содержат подчас еще дополнительный строевой компонент, по-разному модифицирующий основную семантику одной только количественной предикация, напр., р. *Двадцати рублей мне достаточно, Сил у него хватает на всё* (переход в область обладания), *С меня моих походов хватит*. Наблюдается частичная конкуренция генитива и номинатива в позиции подлежащего, особенно при постановке глагола типа *хватает*, напр., р. *Этого // Это хватит*; ч. *Peněz // Peníze budou stačit*.

Мотивация бывает здесь большей частью семантическая: выражение/ невыражение значения паритивности.

Документация достаточного количества: р. *Этого будет вполне достаточно, довольно; Яблок хватит до весны; б.-р. Гэтага часу ёй было достаточно; Снегу было досыць; Работы хопіць, хапае; Тае сілы выстарчала; З мяне хопіць* (с имплицитным манифестансом); у. *Грошей досіть, вистачае; Води вистачить; Хороших порад не бракуе; З мене цього досіть; п. Tego będzie dosyć // dość, dostatek; Śniegu było pod dostatkiem; Pieniędzy starczy, wystarcza; Tego jest wystarczająco; в.-л. Tajkich je holcow dosć; Džěla bě nadosć; Płat dosaha za woblek; н.-л. Tych běšo dosć a nadosć; Togo dawašo dodosća* (под влиянием немец. *es gab*); *Płat dosega (za woblak);* слц. *Peňazí, snehu bolo dosť; Pracovných síl je dostatok; To stačí (!); ч. Hřebíkù je dostatek, dost; Peněz stačí, vystačí // Peníze vystačí; слн. Denarja je dosti; Dostajalo mu je časa; Ljudi ni zmanjka; с.-х. Bilo je dosta (dovoljno) novaca; Snega je bilo dovoljno // Bilo je dovoljno snega; Dostajalo je novaca; м. Такви примери има доста; Пари имаше доста, довольно; Парите му достасуваат; б. Това е доста за мене; Парите достигаат; Този плат стига (за костюм).*

Документация количества слишком малого, недостаточного: р. *Чего-либо недостаток (нехватка, недостаца); Не хватало (ему//у него) отваги; б.-р. Не хапае, не хапіла часу; Пакуль на ўсё яще нестае умельства; Снегу неставала, не выстарчала; у. Снігу было недостатньо, була недостаца, нестача, нехватка, було брак; Грошей не вистачае; Бракуе, не вистачае двох карбованців; п. Sniegu było brak, nie wystarczało; Pieniędzy brakuje, zabrakto; Cierpieliwości nie stanie; в.-л. Što tebi pobrachuje?; н.-л. Brachujo jim ten wejsarški naglěd; слц. Ľudí bol nedostatok; Peňazí nestačilo, chyba; ч. Něčeho je nedostatek, se nedostává; Hřebíkù nám pochybí, nebude stačit; слн. Manjka denarja; Našim brigadam zmanjka streliva; Nedostajalo mu je časa; с.-х. Nedostaję nam novaca; Nije bilo dosta // dovoljno novaca; м. Недостасува му храброст; Нестасуваат, недо-стигаат пари; Има недостиг от пари; б. Парите не достигат, са малко; Имаше недостиг на тези стоки: Ябълките тази година са недостатъчни.*

Примечание. Общеотрицательные предложения, содержащие негированный, но самостоятельно существующий глагол (вроде р. *не хватает*), должны были бы быть отнесенными — методически строго рассуждая — к классу производных структур, вместе с остальным массивом отрицательных построений. Здесь они упоминаются ради цельности изложения, как и с учетом тесного взаимодействия с явно примарными, исходными структурами. — В семантическом поле достаточности/недостаточности имеются некоторые тонкие смысловые нюансы, благодаря которым может происходить утрата подлинного предцифрования количества. Можно это продемонстрировать на русском языке: в примере типа *Одной практики недостаточно, мало* (— ч. *Sama praxe nestačí*) высказывается, что помимо практики необходимо еще что-то другое, дополнительное; под. также: *Сказанного недостаточно, чтобы..*; напротив, об избыточности иных, дополнительных явлений сообщается в антонимических предложениях, как-то р. *Достаточно самого ничтожного повода, чтобы..*; *Достаточно позвонить начальнику (бегло посмотреть, д. было привести два веских аргумента..)*. — Микротип р. *Тебя здесь очень не хватало* (— ч. *Velmi jsi zde chyběl*), *Этого еще не доставало* имеет смысл „без тебя, без определенного явления не существовало полного, достаточного количества референтов“, причем во втором примере с налетом горькой экспрессивной установки говорящего.

111 Приблизительную количественную характеристику явлений можно стилизовать также и с помощью присвяточного квантифицирующего прилагательного. Имеются в виду конструкции следующего рода: р. *Подобные случаи многочисленны, часты, малочисленны, редки, единичны*; б.-р. *Такіє випадкі иматлікія, рэдкія, адзінкавыя*; у. *Такі випадки численні, рідкі, одиничні*; п. *Przypadki takie są liczne, rzadkie, pojedyncze*; в.-л. *Tajke pady su časte* (// *Tajke pady maš husto*), *rědke, jednotliwe* (// *Maš* // *Su jednotliwe tajke pady* // *Hdys a hdys maš tajki pad*); слц. *Také případy sú bežné, časté, zriedkavé, výnimočné*; ч. *Podobné jevy jsou hojné, časté, řádké, vzácné*; слн. *Slični pojavi so pogosti, večkratni, redki, nenavadni*; с.-х. *Takvi su slučajeви mnogobrojni, retki, jedinstveni*; м. *Таквите случаи се многубројни, чести, ретки* // *Такви случаи има ретко (кај нас)*; б. *Такива случаи са многбројни, чести, малобројни*.

112 Наконец, в сферу количественного предцирования, вне всякого сомнения, входят специфичные, столь часто обсуждавшиеся уже с разных аспектов конструкции типа р. *Воды убывает*. Их сущность заключается в том, что количественный признак в них подвергается динамизации, процессуализации, с глубинным смыслом „воды раньше было больше, а теперь ее меньше“, или же „воды становится меньше“. Семантическая роль эффициента количественного признака (а именно: манифестанса) отчасти смещается в сторону семантической роли объекта признака, происходит как будто нейтрализация обеих ролей. Вместе с тем, до некоторой степени нейтрализуется эффициентный/безэффициентный характер всего построения, т. е. двусоставность/односоставность его. Парадигматические системные взаимосвязи, однако, позволяют в конце склоняться скорее к двусоставной (эффициентно-подлежащей) трактовке подобных предложений.⁵⁰ Впрочем, формальные приемы передачи данного содержания по различным слав. языкам дают нам основание для предложенной трактовки: кое-где выступает параллельно оборот с глаголом *esse* + наречием. Документация:

р. *Воды прибавилось, убавилось, прибывает, убывает, становится больше, стало меньше*; *Численность разводов понижается, повышается, разводы идут на убыль*; б.-р. *Людзей на вулицы набольшала, паменшала*; *Ёй прибавілася і сілы, і рухавасці* (наслоение значения обладания); *Колькасць разводаў павялічваецца, памяншаецца*; у. *Розлучень меншае, більшае*; *Вода (день, сила) прибуває, убуває* (обычно с им, пад, в позиции подлежащего); */Почув я про руських/, і сили ніби побільшало*; п. *Z wiosną dnia przybywa; Wody przybyło, ubywa, przybiera, mnoży się; Liczba rozwodów rośnie, maleje*; в.-л. *Woda w řece je woteběrała, přiběrała, Ličba rozvěrowanjow přiběra, woteběra* // *Rozvěrowanjow je dale a wjace, je dale a mjenje*; н.-л. *Žělenja woteběraju, psiběra-*

⁵⁰ Притом нельзя полностью отрицать и возможную интерпретацию односоставную, с тем, что позиция левовалентного имени предиката ради „чистоты“ формально-синтаксических критериев оценивалась бы не как подлежащее, а как субъектное дополнение.

ju; Woda w rēce jo wotebĕrata, psĭbĕrata; слпц. Slnko ĉoraz ubúdalo; Rozvodov pribúda, ubúda // Rozvody sa množia, ubúdajú, počet rozvodov sa zväčšuje, znižuje; ч. Něčeho přibývá, ubývá, je stále více, stále méně; Počet rozvodů se zvětšuje, vzrůstá, se zmenšuje, ubývá; слн. Danes je voda upadla // Danes je vode manj; Ločĭtve naraščajo // Ločĭtev je več; с.-х. Voda se je povukla, je opala; Kod nas je sve više, manje razvoda; Broj razvoda se povećava, smanjuje; м. Вода има помалку, повеќе; Водата намали, се наголени; б. Водата в реката намалая; Денят наголемява; Разводите в наша страна намаляват, се увеличават, броят на разводите намалява, се увеличава.

Примечание. Построения с фазисным глаголом (*Воды становится, стало больше*), формально уже, правда, неэлементарные, непервичные, здесь все-таки как будто обретают смысловой характер первичных построений, ибо данное семантическое наполнение само по себе предполагает фазисность, наступление нового, измененного признака. Постановка этих глаголов типична особенно для вост.-слав. языков, даже в случаях вроде *Теперь нас стало пятеро, Населения перевалило за пять тысяч* (разгов.). Иное дело — эксплицитное выражение проявления признака (эмергенциальное значение), ср. р. *Всего этого оказалось мало*; здесь перед нами модифицированная, производная структура. Исходными не оказываются и эмоциональные, восклицательные высказывания (р. *Народу!*, *Розог-то, розог!*, ч. *To je ofechu! Tĕch bylo!*). Эмоция, находящая отражение в интонационном профиле и делающая избыточным лексический десигнатор количества, представляет собой последний деривационный шаг при порождении конкретного коммуниката из зародыша мыслительного содержания, через пропозицию. Ср. при снятии эмоции: *Народу очень много* и т. п.

113 В рамках всего предикцирования количества имеются, естественно, в отдельных языках еще свои, те или другие микротипы; напр., ч. */Jen ti pomoz/, vřak tĕ neubude* „тебя не станет меньше“; р. *Вечером только и разговору было, что о них; У него только и забот (было), что шахматы* (смысл: „он имеет только одну заботу из возможных забот, а это и есть — шахматы“).

Что касается состава всех описанных в настоящей главе предложений, то логичнее всего наибольшую часть их признавать двусоставными, с подлежащим (или аналогом подлежащего) как носителем количественной характеристики; своеобразное положение занимают гл. обр. предложения типа р. *Воды убывает* (см. выше). Глагол *быть* далеко не всегда носит характер чистой связки, о чем косвенно свидетельствует также употребление глагола *habere* в части юж.-слав. языков.

III. ПРЕДЛОЖЕНИЯ БЕСПОДЛЕЖАЩИЕ

114 Структуры этого обширного класса характеризуются тем, что в них нет грамматического подлежащего, нет левовалентного актанта предиката. Имплицитное наличие его, разумеется, сюда не входит, поскольку коррелят подлежащего должен отсутствовать также и на уровне пропози-